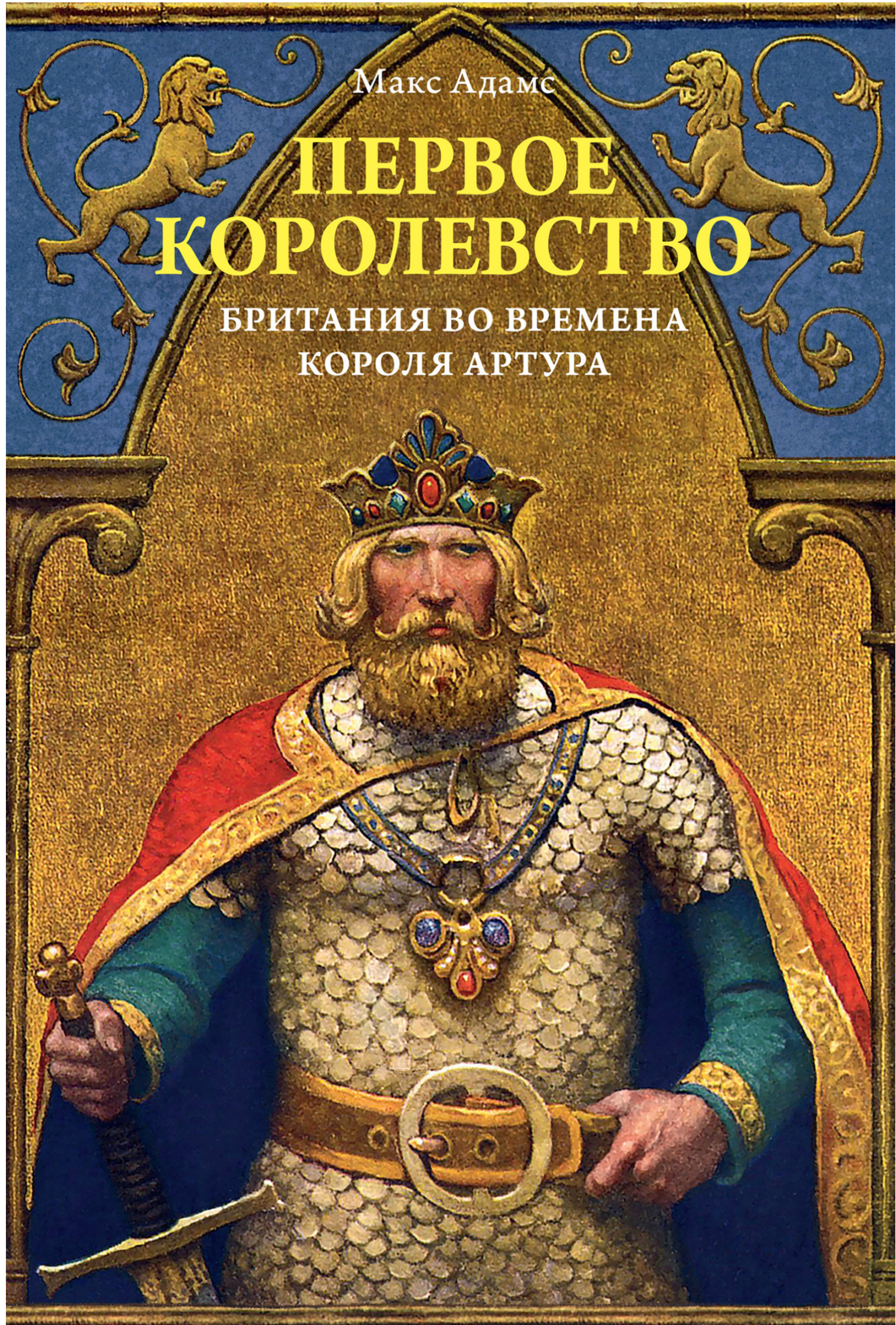

Макс Адамс

ПЕРВОЕ КОРОЛЕВСТВО

БРИТАНИЯ ВО ВРЕМЕНА
КОРОЛЯ АРТУРА

Макс Адамс

**Первое королевство. Британия
во времена короля Артура**

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 94(410)".../1066"

ББК 63.3(4Вел)4

Адамс М.

Первое королевство. Британия во времена короля Артура /
М. Адамс — «Азбука-Аттикус», 2021

ISBN 978-5-389-19455-7

Книга посвящена одному из самых малоизученных периодов истории Британии – между уходом с этой территории римских легионов в начале V века и приходом христианских миссионеров в конце VI века, когда образовались королевства раннесредневековой Британии. Это время называют также «временем короля Артура». Легенду о короле Артуре, вожде бриттов V–VI веков, разгромившем завоевателей-саксов и создавшем общество рыцарей Круглого стола, слышали все, однако специалисты до сих пор не пришли к единому мнению о том, существовал ли исторический прототип Артура. Большинство исследователей считают, что истории, повествовавшие о нем, обязаны своим происхождением деятельности какого-то другого короля, и предлагают множество версий. Макс Адамс оставляет за скобками подобные дискуссии и ставит своей целью показать эпоху в целом, опираясь на археологические свидетельства, а не на легенды. Он пишет об обретении Британией независимости, о связях с остальной Европой, об «экологическом контексте» жизни и быта поколений бриттов. Книга снабжена черно-белыми иллюстрациями и картами. «От общей картины тех двух веков истории Британии, что последовали за начавшимся около 400 года кризисом, предварявшим крушение Западной Римской империи, остались лишь фрагменты. Сложно составить из них четкую последовательность и рассказать историю тех бурных, загадочных времен – историю того, как в Британии возникли первые королевства раннего Средневековья. И тем не менее гора фрагментов, собранных исследователями за последние десятилетия, поражает своими размерами. Даже если исходный сюжет восстановить не удастся, есть возможность увидеть сцену, на которой разыгрывалась драма, и населить ее персонажами... Даже от отдельных стоп-кадров трудно оторвать взгляд: это обрывки истории, начало которой теряется во тьме, а конец описан несколько столетий спустя прославленным книжником раннего Средневековья Бедой

Достопочтенным». (Макс Адамс) В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(410)".../1066"

ББК 63.3(4Вел)4

ISBN 978-5-389-19455-7

© Адамс М., 2021

© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

I	13
1	13
2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Макс Адамс

Первое королевство. Британия во времена короля Артура

Друзьям Берниции по случаю 10-летнего юбилея

История – не точная наука, она ближе не к математике, а к животноводству в том смысле, что связана с селекцией. Главное отличие животновода от историка в том, что первый разводит овец, коров или кого-то еще, а последний разводит (предположительные) факты. Животновод использует свои умения, обогащая будущее, а историк – обогащая прошлое. Оба обычно по колено в дерьме.

Том Роббинс. Еще одно интересное место у дороги, 1971

Дело в том, что ум ученого настолько гибок, что готов примирить что угодно с чем угодно.

Патрик Симмс-Уильямс. Заселение Англии у Беды и в Англосаксонской хронике, 1983

Max Adams
THE FIRST KINGDOM
Britain in the Age of Arthur

Впервые опубликовано в 2021 году в Великобритании в издательстве Head of Zeus Ltd

Научный редактор З. Ю. Метлицкая, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ

© Max Adams, 2021

© Jeff Edwards, maps, 2021

© Черезова Т. Л., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023
КоЛибри®

* * *

Доступный рассказ о невероятно сложном историческом периоде, о том, что произошло, когда примерно в 400 году провинция Британия вырвалась из-под римского владычества. Историки не очень любят термин «темные века», но V и VI столетия в истории Британии действительно погружены во мрак настолько глубоко, что даже самые мощные поисковые лучи с трудом проникают сквозь него. До нас дошли лишь отдельные фрагменты общей картины, но автор при этом избегает домыслов и предположений.

The Times

Впечатляющий исторический анализ, сочетающий в себе прекрасный слог и всестороннюю трактовку доступных материалов. Показана взаимосвязь между политическими и географическими ландшафтами регионов Британии.

Исследуя материальные и письменные источники, автор ставит под сомнение традиционно принятую картину полного социального распада в V веке.

Medievalists. net

Замечательный гобелен, в который вплетены нити археологии, топографии, фольклора, лингвистики и культуры для создания красочной панорамы раннесредневековой Британии в контексте европейской истории.

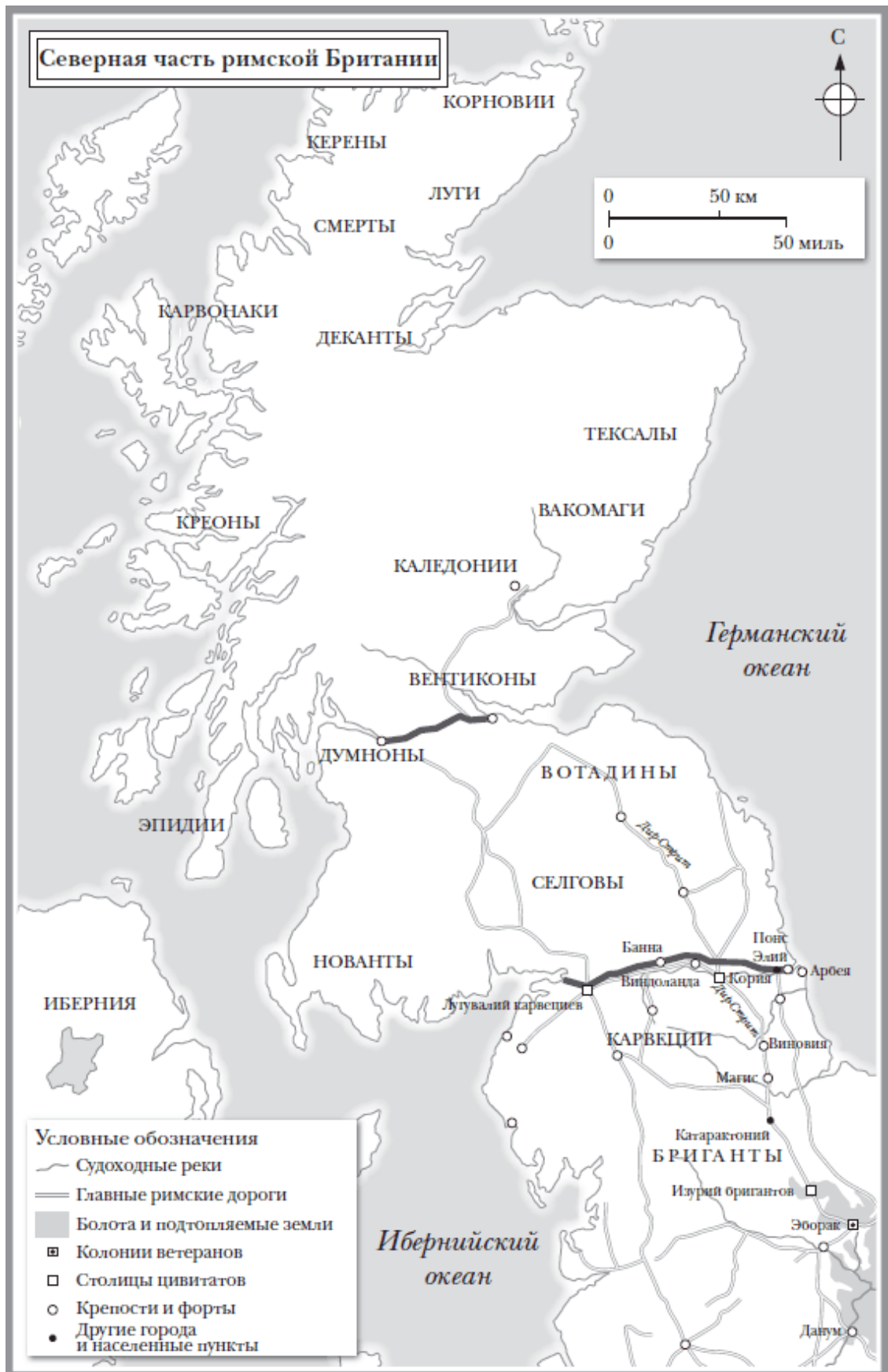
Donegal Annual

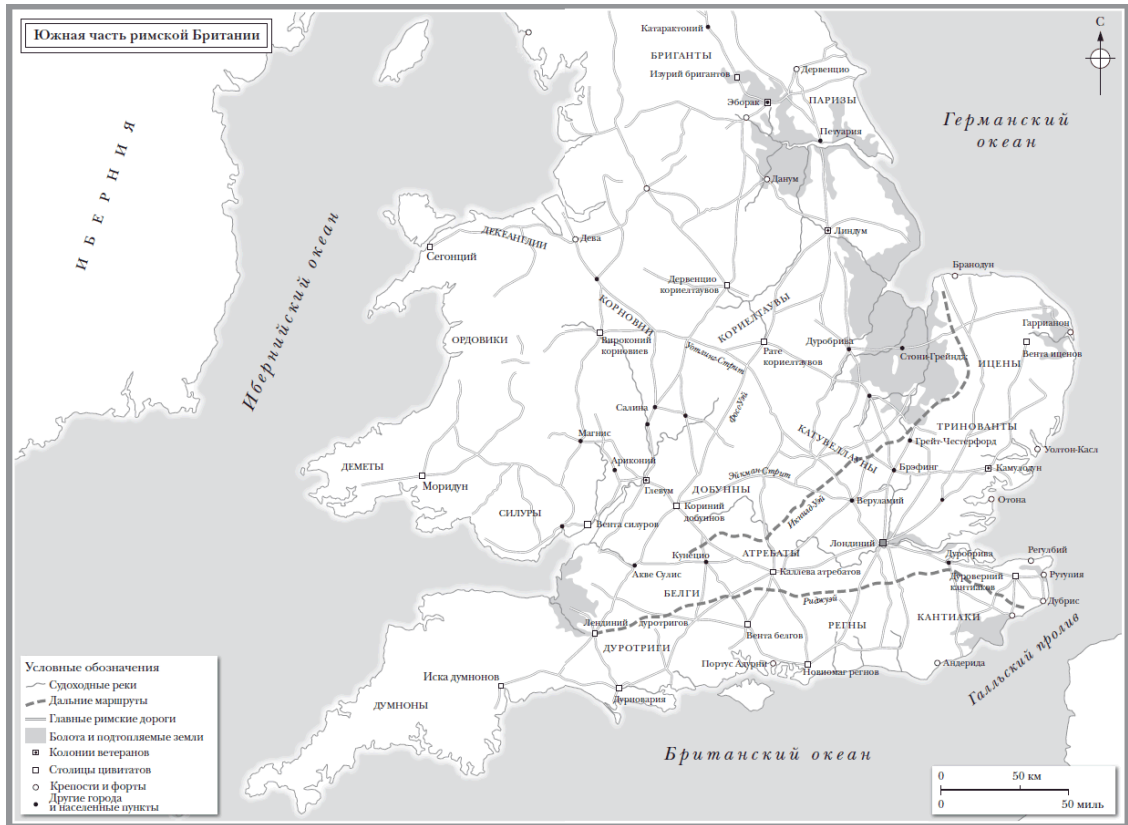
Захватывающая картина новообретенной независимости Британии.

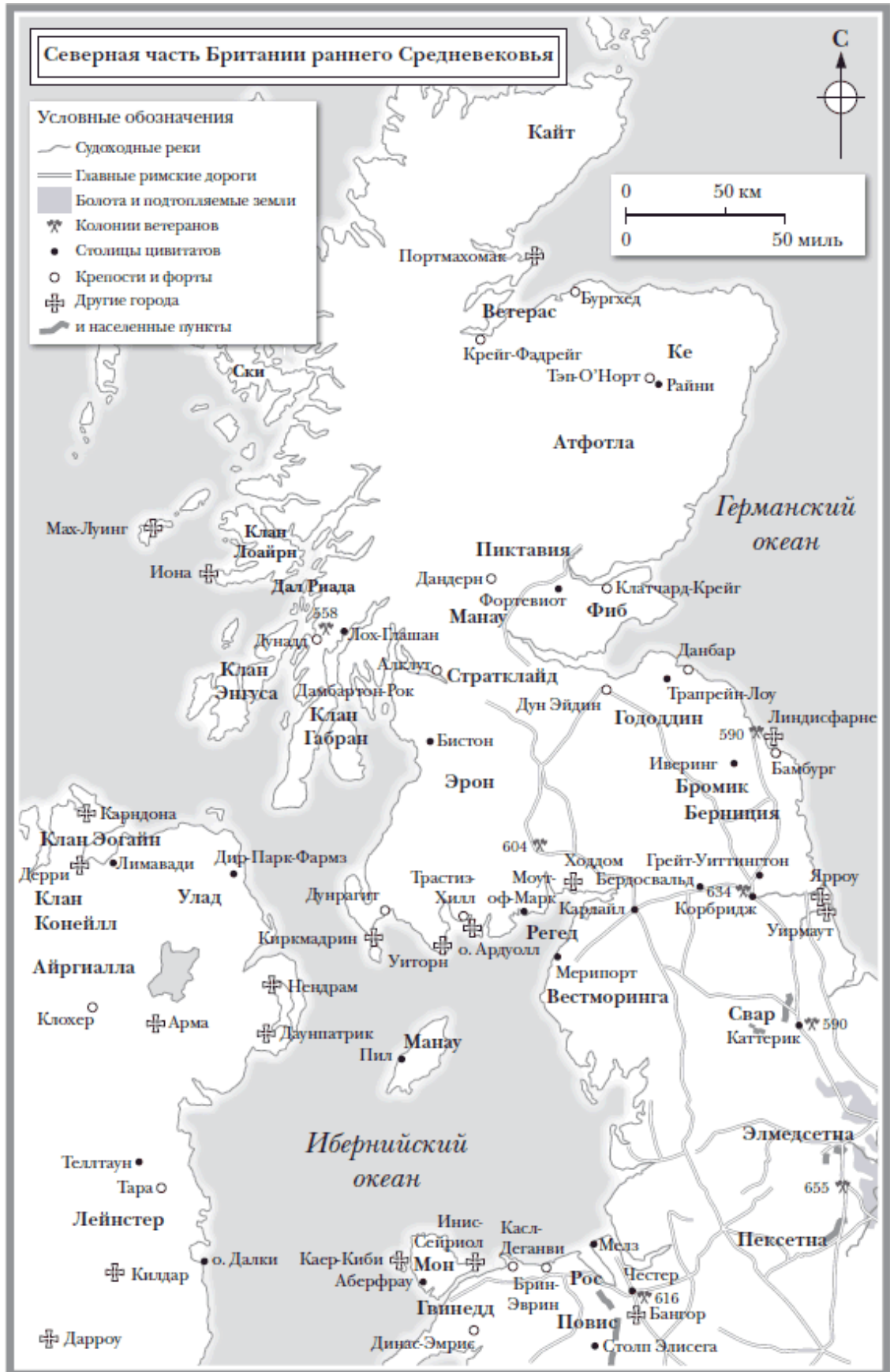
This England

Самобытная и очень ценная книга.

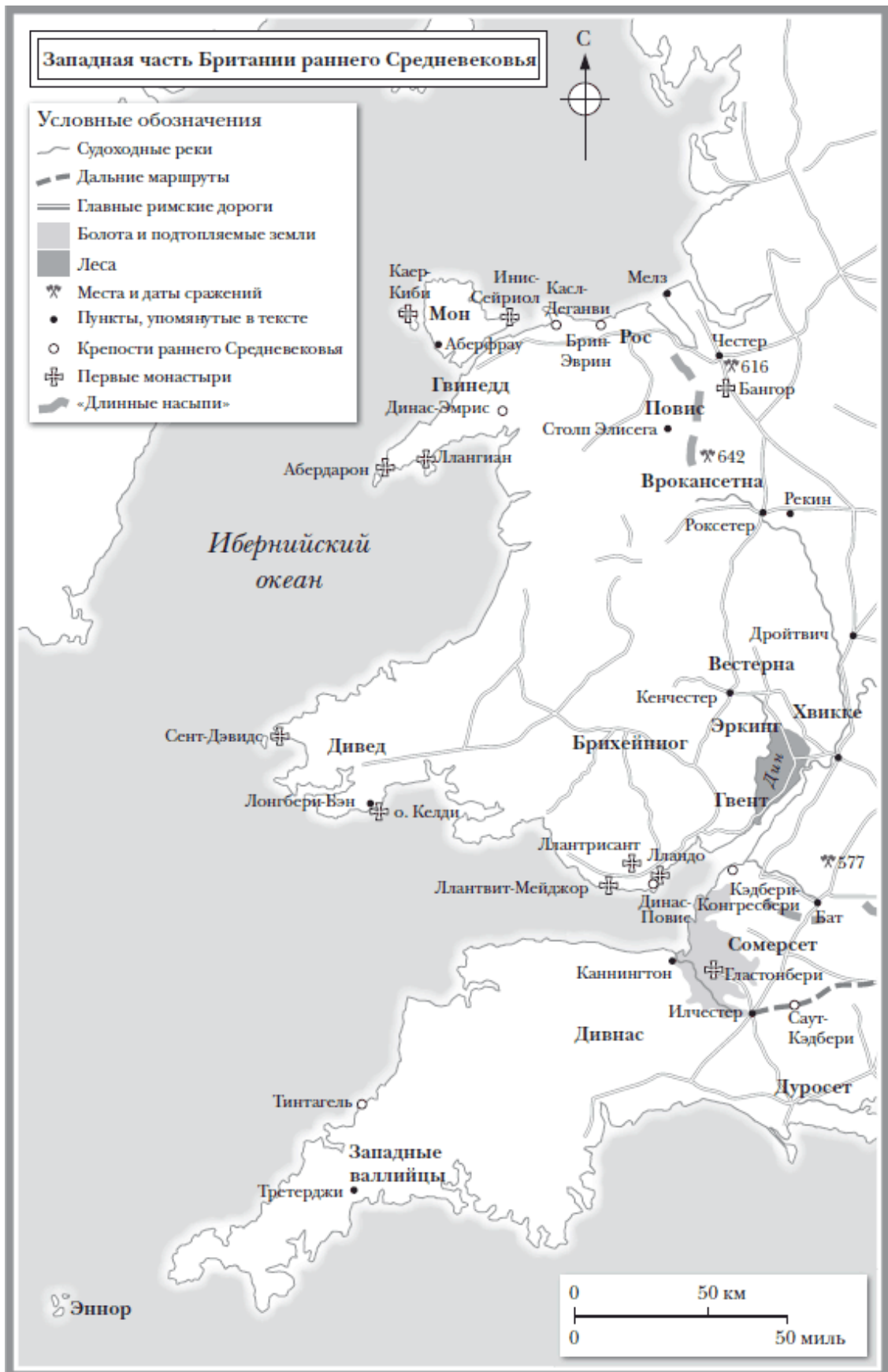
Том Холланд, историк

I

Конец истории

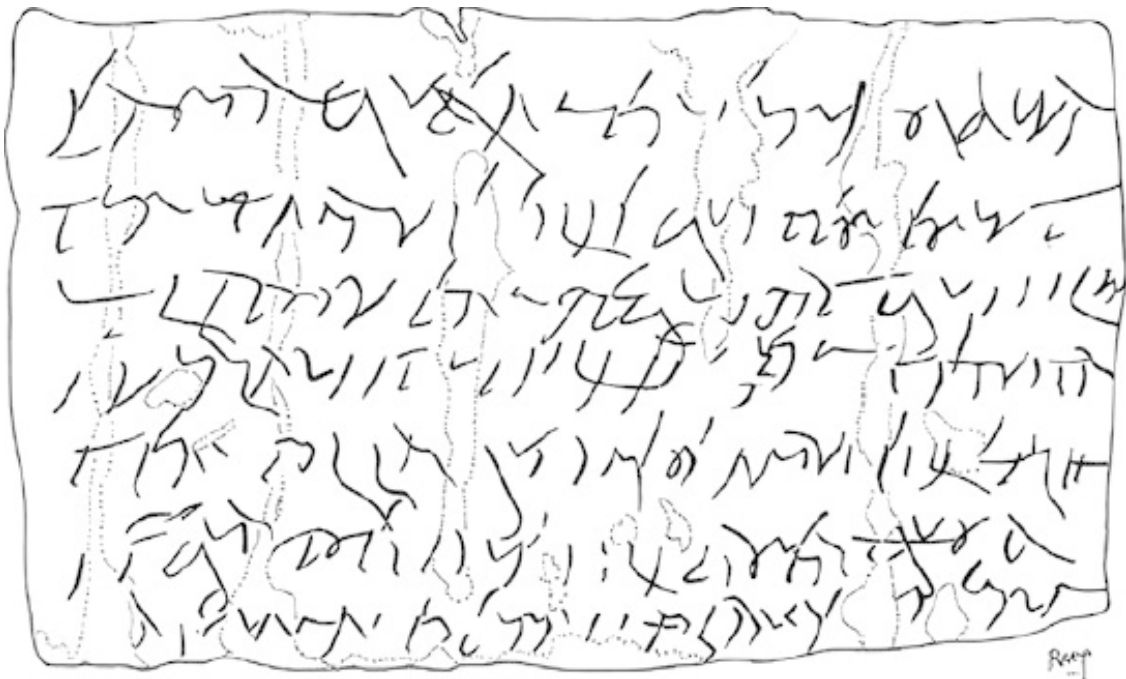
Несомненно, Британия... была той территорией, которую государству терять не следовало бы: столь обильны ее урожаи, столь многочисленны пастбища, которыми она гордится, столь разнообразны металлы, жилы которых по ней проходят, такое богатство приносят ее налоги¹.

Эвмений. Панегирик Константину, II.1

1

Поздний Рим

Фрагменты. – Солсберийская равнина. – Земледельцы. – Цивитаты. – Гильда Премудрый. – Ультраримские бритты. – Крах. – Области римской Британии. – Границы империи. – Стони-Грейнджс

«Полоска свинца, поднесенная Меркурию, чтобы тот отомстил за потерянные перчатки: пусть он отнимет кровь и здоровье у того, кто их украл, пусть он даст то, чего мы просим у бога Меркурия... как можно скорее тому человеку, который забрал эти перчатки» (табличка с проклятием № 80). Перевод латинской надписи со свинцовой таблички из храма Меркурия, раскопанного в 1978 г., Вест-Хилл близ Ули, Глостершир

Британская римлянка нацарапала проклятие вору, который украл ее перчатки. Заплатив храмовым жрецам или их помощникам, она бормочет последнее проклятие, обращаясь к богу – покровителю святилища, прибавляет табличку, которая отражает ее надежду на отмщение, к

¹ Цит. по: Millett 1990. P. 130.

деревянному столбу – некой доске объявлений для богов – и отправляется восвояси, веря, что ее врага постигнет какое-то несчастье. Мы не знаем ни ее имени, ни имени вора. Мы ничего не знаем об обстоятельствах, при которых перчатки были украдены – или потеряны, – как и о том, достигло ли ее проклятие цели или нет.

Машины времени не существует: мы не можем отправиться в прошлое и расспросить наших предков. Прошлое лежит как обрезки пленки, брошенные на полу в монтажном кабинете киностудии. Соедините эти обрезки в каком-то порядке – и вы увидите отрывочную бесвязную историю с нелепыми действующими лицами, с обрывками вновь и вновь повторяющихся песен из полужнакомого саундтрека... Вы разъединяете кусочки, скрепляете в другой последовательности, сматываете на катушку, заправляете в проектор, и там плывут титры, опять... и опять. С тем же успехом можно пытаться воссоздать дерево по его листьям или океан по каплям воды из протекающего водопроводного крана. Столь многое утрачено. Истина – это химера.

От тех двух веков истории Британии, что последовали за начавшимся около 400 года кризисом, предварявшим крушение Западной Римской империи, остались лишь крошечные фрагменты. Невозможно составить из них ясную последовательность, чтобы рассказать историю тех бурных, загадочных времен – историю того, как в Британии возникли первые королевства раннего Средневековья. И тем не менее гора фрагментов, собранных исследователями за последние десятилетия, поражает своими размерами. И даже если исходный сюжет восстановить не удастся, стало возможно увидеть сцену, на которой игралась утерянная драма, и населить ее персонажами карнавала, изображенного неким изобретательным наблюдателем человеческой природы с богатой фантазией, кем-то вроде Брейгеля или Лаури.

На нашей сцене имеются такие диковины, как крытые соломой хижины, похожие на шатры, фантастические звери, вырезанные на дереве или выгравированные на золоте, незамысловатые приспособления для пахоты и ткачества, поросшие травой курганы, скрывающие парусные корабли, достойные королей, и ландшафт со множеством названий холмов и полей, лесов и пустошей, ручьев и болот. Людей из массовки – жителей Британии тех беспокойных времен – мы видим порой за довольно странными занятиями: вот они пробивают яму в когда-то красивых мозаичных полах, чтобы устроить кузнечный горн, везут с другого конца света амфоры с оливковым маслом любимого сорта, проклиная воров или соперников в любви, поклоняются безголовым ходячим трупам, спорят о том, чьи именно цветы дали нектар, собранный их драгоценными пчелами.

Даже от отдельных стоп-кадров трудно оторвать взгляд: это обрывки истории, начало которой теряется во тьме, а конец описан несколько столетий спустя прославленным книжником раннего Средневековья Бедой Достопочтенным. Сей образованный и любознательный монах из монастыря Ярроу на реке Тайн, который знал о мире почти все, что только можно было знать в его время, решил написать о том, как англосаксонские короли были избраны Богом, чтобы утвердить на острове единую общую церковь и создать единый народ. Он писал о нечестивых, глупых бриттах, которые, отвергнув благотворное влияние христианской Римской империи, отвернулись от Бога и от своих законных правителей и в итоге погрязли в междоусобицах и тирании. Он рассказывал о том, как предводители языческих германских племен начали войну против бриттов – и покорили их, как они создали новые могущественные королевства и как их, в свою очередь, обратили в истинную веру две христианские миссии, одна из монастыря на острове Иона, а вторая из Рима – примерно за три четверти века до Беды. История Беды убедительна – на самом деле это единственное достойное доверия повествование, не сгоревшее в тиглях раннего Средневековья Британии². Мы можем сомневаться в его

---

² Под ранним Средневековьем я понимаю период между номинальным крахом Римской империи примерно в 410 г. до Нормандского завоевания 1066 г. Термин «темные века» можно применять только в отношении периода между 400 и 600 гг.

мотивах и в некоторых из его источников, но даже Беда мало что мог сказать о полутора веках, отделяющих последние письменные донесения из римской провинции *Britannia* от прибытия из Рима на остров Танет миссии Августина³ в 597 году: этим полутора векам посвящено всего девятнадцать строк из 300 страниц современного английского издания его «Церковной истории народа англоv»⁴. Однако даже если истинность рассказа Беды о том, как возникли первые христианские королевства, проверить нельзя, можно все-таки надеяться обнаружить гудящий пощелкивающий механизм, который вдохнул жизнь в эту драму, увидеть ее действующих лиц и наблюдать их трагикомическую историю.

Завершающие эпизоды этой истории будут знакомы тем, кто читал мою книгу «Король Севера» (*The King in the North*). Здесь, однако, они поданы в ином свете – не с ретроспективной точки зрения Беды, оценивавшего события из своего VIII века, а в контексте эпохи возникновения новых институтов и социальных связей, хотя участники этих событий оставили нам очень мало свидетельств. Повествование здесь превратилось в созерцательную историю.

Можно начать с того, что ранним утром, поднявшись над облачками тумана, зацепившись за деревни, леса, поля с аккуратными живыми изгородями и речные луга долины Уайли выше Хейтсбери (*Heytesbury*), пролететь на воздушном шаре над меловыми холмами Солсберийской равнины. Впереди на севере лежит громадное пространство, изрытое воронками от снарядов и исчерченное меловыми следами танков, выделяющимися на зеленом фоне. Глядя вниз, можно видеть красные флажки, обвисшие на столбах: напоминание, чтобы вы держались подальше, потому что эта земля принадлежит британской армии. Вдали приземистая квадратная каменная колокольня средневековой церкви в окружении надгробий и памятников гордо возвышается над кучкой домов и сараев: картина вне времени.

При более внимательном взгляде на деревушку Имбер (*Imber*), чье древнеанглийское название, означающее «пруд Иммы», объясняет причину ее давнего появления и долгого существования на этом сухом плато, вы поймете, что все не так, как кажется⁵. Это – деревушка-призрак. Здесь никто не живет, хотя очертания пруда, который наполняется за счет крошечного пересыхающего ручья, все еще видны. Сохранившиеся здания защищены жестяными крышами. Раз в год, в сентябре, церковь заполняют прихожане, чтобы отметить день памяти ее покровителя, святого Джайлса (Эгидия). В этот день выстрелы на полигоне смолкают и слышны только церковные колокола, гимны и молитвы.

Имбер, символ мятущегося беспокойного мира XX века, впервые упоминается в грамоте короля Эдгара в 968 году⁶. Деревня пережила свой расцвет в начале XIV века, еще до того, как безжалостная Черная смерть выкосила треть населения Британии (и Европы). В 1943 году немногих оставшихся в деревне жителей выселили, чтобы разместить в домах дружественные американские войска: никому из местных так и не разрешили вернуться. Сейчас бывшая усадьба хозяина поместья, трактир «Белл Инн» и почта пустуют – кроме тех случаев, когда в ходе учений их требуется отбить у воображаемой армии другого государства.

На холмах Уилтшира есть и другие покинутые деревни, но их история гораздо более туманна. Менее чем в получасе полета воздушного шара на юг от Имбера мы увидим на пологом, залитом солнцем склоне безводной ложбины поросшие травой террасы, свидетельствующие, что некогда здесь было процветающее поселение. Нук-Даун (*Knook Down*), распола-

---

Большинство ученых этот термин не любят. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора.*

³ Святой Августин Кентерберийский, монах монастыре Св. Андрея в Риме (ум. 604).

⁴ Беда умер в 735 г., через несколько лет после завершения «Церковной истории народа англоv», которая дошла до нас в нескольких ранних рукописях, а также доступна в бесчисленных современных изданиях.

⁵ Все топонимы, кроме особо отмеченных, взяты из: Watts 2004.

⁶ Sawyer. P. 765. Король Эдгар дарует земли в Эдингтоне (Уилтшир) монастырю Ромси; текст грамоты на латыни с переводом на древнеанглийский описания границ даруемых земель.

гавшийся среди квадратных полей, неподалеку от неолитических длинных курганов, насыпей бронзового века и небольшого укрепления железного века, появился задолго до Имбера: на бриттском языке, от которого произошел средневековый валлийский, название *Spiss* означает просто «холм». В этом месте 1500 лет назад стояли две деревушки, и между ними была тропа, утрамбованная копытами многих ходивших по ней стад. Нук-Даун не раскапывали современными методами археологии, однако антикварию XIX века, узнавшие о наличии этого древнего поселения благодаря усилиям кротов, выбрасывавших на поверхность монеты и керамику, порылись здесь своими лопатами. Они нашли следы домашних очагов, окрашенную штукатурку, основания печей для просушки зерна, а также украшения, относящиеся, если судить по монетам, ко II–IV векам н. э., когда Британия была ценной провинцией величайшей империи древней Европы⁷.

Многие думают, что сельская местность Британии во времена Римской империи была усеяна виллами: особняками отставных военных, галльских чиновников, управляющих и представителей далеких императоров, местных богачей, облачившихся в тоги. За три столетия римской оккупации были построены примерно 2500 роскошных вилл, многие из которых стали центрами обширных поместий. Однако археологические исследования, проводившиеся годами, показали, что такие резиденции были достоянием богачей, желавших продемонстрировать свой статус, и совершенно не типичны для жилого фонда римской Британии⁸. Сейчас на территории Британии известно около 100 000 сельских поселений, относящихся к периоду римского правления, причем многие – в таких районах, где никаких вилл не было. Сельские арендаторы и их несвободные подчиненные – батраки, гончары, ткачи, дровосеки и пастухи – жили со своими семьями по большей части либо на отдельно стоящих хуторах, либо в поселениях, включавших дома, загоны и подсобные строения. Эти поселения – например, на Солсберийской равнине – выглядят совсем как наши деревни с главными улицами, проулками и надворными постройками в окружении небольших полей и обширных открытых пастбищ за ними. Вероятно, и Нук-Даун в те дни отнюдь не был исключением.

По крайней мере еще одиннадцать, а может, и больше заброшенных деревень римского периода можно распознать на холмах Уилтшира по земляным сооружениям, которые впоследствии использовали пастухи, а в наше время – военные. Ни одно из них не исследовано в должной мере: археологам интереснее изучать руины имперской Британии – виллы, форты, города, Адрианов вал, Антонинов вал. Очень жаль. Какие истории из жизни простых бриттов – подданных империи или ее счастливых граждан – ждут нашего внимания?

В Чарлтон-Даун (Charlton Down)⁹ на северо-восточном краю Солсберийской равнины по заросшим травой насыпям, разбросанным по территории 26 гектаров, можно определить как минимум 200 дворов – немаленький римский город. Здесь жители устроили водоем для хранения драгоценной воды (возможно, именно поэтому деревня выросла до таких размеров) и, предположительно, для привлечения диких птиц, которых потом ловили в силки или били стрелами влет. Можно различить улицы, извивающиеся между беспорядочно теснящимися домами, дворами и мастерскими. Многолюдный, шумный Чарлтон, наполненный запахами и звуками, доносившимися из хлевов и мастерских, наверняка был процветающим поселением: самым крупным во всей Британии в течение трехсот лет после ухода римлян. Даже поразительно большая монастырская община Беды в Ярроу по сравнению с ним выглядит скромно.

Дома, которые строились в Чарлтоне в течение трех с половиной веков римского правления, имели обычную для тех мест форму: круглые низкие каменные строения либо плетневые мазанки с коническими крышами, крытыми тростником или дерном. Вокруг них кипела

---

⁷ McOmish 2002.

⁸ Perring 2002.

⁹ Древнеанглийское *Ceorl-tun*: поселение керлов (простолюдинов, но не рабов).

жизнь: здесь стряпали, кормили младенцев, чинили и изготавливали инструменты, пряли... Дети гонялись друг за другом в проулках, родители бранили их – и одновременно настраивали ткацкие станки, стригли овец, створаживали молоко, подковывали скотину, вялили мясо на зиму. Утки крякали, свиньи хрюкали, волы мычали и фыркали, свежие кучи навоза испускали пар. Оставаясь у домашнего очага – центра жизни, – женщины все видели и обо всем знали. Фруктовые деревья цвели весной и приносили яблоки, сливы или мушмулу осенью, огороды, удобренные свиным, овечьим и козьим навозом, давали бобы, капусту, чечевицу, морковь, травы и репчатый лук (последнее – кулинарный вклад римлян). На полях попеременно выращивали то пшеницу или ячмень, то лен с нежно-голубыми цветами, который шел на изготовление льняной пряжи и льняного масла. Овцы паслись на окрестных холмах. Весной появлялись ягнята, в начале лета овец и баранов ощипывали или стригли, после чего выгоняли под присмотром пастухов на луга жиреть в теплые месяцы, а потом, когда начинались морозы и вершины холмов укрывал снег, возвращали в крытые загоны. Осень и зима – время молотбы, заготовки запасов из излишков урожая, обрезки деревьев, ткачества, починки инструмента, рассказов у огня. Неотвязные мысли о неизвестном будущем, о судьбе, плодовитости и смерти заставляли людей приносить дары, давать обеты, читать заклинания, обращаясь к своему духовному пантеону – персоналиям римского, местного и, возможно, более экзотического восточного культов.

Холмики и кочки, сохранившиеся на военном стрельбище, выдают местоположение крупной зажиточной бриттской деревни времен римского владычества

Пастухи, торговцы, мошенники, чиновники и сборщики налогов приходили и уходили, сплетники судачили о жизни друзей, врагов, возможных партнеров и родственников. На проходивших в свой черед праздниках и собраниях (нечто среднее между сельской ярмаркой и советом племени) разрешались споры, заключались браки, продавались и покупались кони, заключались и расторгались политические союзы. Новости о далеких событиях, должно быть, иногда

доходили и сюда – огромные армии сражаются на границах чужих земель, очередной узурпатор смещает императора, орды варваров переправляются через Рейн, ирландские пираты похищают людей и живность из приморских и приречных селений, обесценивается монета, а вместе с ней и немногочисленные ценные безделушки, зарытые на заднем дворе... Ближе к дому: бунт в соседнем городе, назначение нового губернатора, известного своей жестокостью или продажностью, возведение городских стен... все это мало интересовало жителей меловых холмов, идущих с ведрами к деревенскому пруду за водой.

Почти ни в одном сельском поселении времен римского правления – будь то деревня, хутор или вилла – не обнаружено следов оборонительных сооружений или укреплений¹⁰. Это справедливо даже для последних десятилетий, когда Британия была «плодовита на узурпаторов» и подвергалась набегам со всех сторон¹¹. Эта римская провинция, несмотря на большое количество преступников, тюрем, случаев самосуда и свирепых сторожевых псов, была (или считалась) безопасной землей, в целом спокойной и очень богатой.

Достаточно ли было окрестных пастбищ для благоденствия деревень на меловых холмах, или они в большей мере были связаны с внешним миром как центры производства гончарных и металлических изделий и, в первую очередь, тканей, предназначенных на продажу? Стал ли для них роковым ударом крах римской рыночной экономики? Когда-нибудь археологи смогут ответить на этот вопрос. Солсберийская равнина, где леса в основном были сведены еще задолго до нашей эры овцеводами бронзового века, активно обрабатывалась и в более поздние «доримские» времена, а также в течение всего периода римского владычества. Многолюдные деревенские поселения сами по себе говорят о процветании этого края. О том же свидетельствуют пустые безмолвные террасы и натоптанные дороги, которые сегодня видит воздухоплаватель. Но пока в этих деревнях не проведут раскопки, мы не сможем сказать, почему и когда их обитатели ушли, чтобы более не возвращаться. Очень редко археологам выпадает удача узнать (как в случае Имбера), что поселение полностью опустело в результате конкретного события, дата которого точно известна.

Помпеи, Геркуланум, удивительно хорошо сохранившиеся дома бронзового века в Маст-Фарме (Must Farm) на болотах в окрестностях Питерборо – редкие примеры, трагические свидетельства внезапных катастрофических событий. Чаше поселения деградируют медленно, незаметно – в итоге остается всего несколько семей, цепляющихся за прежний образ жизни, который уже не может обеспечить их существование, подобно последним жителям удаленного острова Сент-Килда в 1930 году. Возможно, один – последний – неурожай или вспышка какого-то мора среди скота окончательно убивает деревню. Нам неизвестно, почему пришли в запустение деревни на Солсберийской равнине.

По малозаметным насыпям в Нук-Даун судить о жизни людей, рождавшихся, живших и умиравших здесь в течение веков, неизмеримо сложнее, чем по постройкам в Имбере. Читателям и вдумчивым воздухоплавателям, которые надеются пробудить запахи, звуки, взаимоотношения людей прошлого, лучше бы обратиться к более известным, пусть и не столь давним примерам – скажем, таким, как пиренейская деревня Монтайю: жизнь ее обитателей-катаров, центром которой была *foghana* (кухня), подробно описана похотливыми протоэтнографами из инквизиции начала XIV века¹². Ни одно собрание материальных артефактов не может конкурировать с богатой подробностями историей взаимоотношений, предательств, трагедий и выживания, запечатленной в показаниях героической Беатрис де Планиссоль, ее друзей, врагов, слуг и знакомых, – но у нас нет ничего подобного.

---

¹⁰ Касл-Дайкс (Castle Dikes) в долине Моубрей к югу от Рипона в Северном Йоркшире – исключение: в какой-то момент позже II в. вокруг поселения была возведена солидная насыпь; само поселение было разрушено в конце III в.

¹¹ . *Иероним Стридонский*. Письмо 133.9 к Ктесифону, написано ок. 415 года.

¹² Le Roy Ladurie 1980.

Невозможно определенно сказать, как осознавали себя жители деревень на меловых холмах. Скорее всего, их объединяло стойкое ощущение своей принадлежности к семье, домоладцам и клану в целом. Они также ценили свой статус, подтверждавшийся фибулой на плече, характерным узором тесьмы на кантах одежды, прической и фамильным сходством. Антропологи предполагают, что престиж человека зависел от возраста, семейного положения и роли в семье, а также от социального статуса самой семьи. Но считали ли жители, что принадлежат к некоему народу или культуре – клану или «пагу»¹³ (*pagus*), подразделению одного из цивитатов¹⁴ (*civitates*), то есть одной из навязанных административных единиц, которые признавали правители римских провинций? Считали ли они себя бриттами?

За двумя исключениями¹⁵, ни в одной из деревень не видно следов представительного, богатого центрального дома – виллы, зала с колоннами, общинного круглого дома или укрепления, – так что мы не знаем, принадлежали ли земли их жителей большим поместьям, или их жизнь проходила в некотором смысле вне сферы влияния местных властей. Судя по немногим имеющимся на данный момент находкам, они имели доступ ко всем новейшим технологиям и достижениям своего времени: монетам, инструментам, моде, пище, украшениям. Но невозможно выяснить, как они именовали сами себя или как назывались – ни как сообщество, ни как часть более общих этнических или территориальных групп. Из римской Британии до нас дошло название одного-единственного пага, нацарапанное на деревянной оборотной стороне вошеной дощечки для письма с записью о судебном разбирательстве по поводу небольшого лесного участка в Кенте¹⁶: паг *Dibussi*, входивший в цивитат *Cantiaci*, столица которого, *Durovernum*, стала городом Кентербери. Однако этот единственный пример именованья – лишь намек на ощущение принадлежности.

Названия, связанные с географическим положением и принадлежностью, возникшие после ухода римлян, – такие как *Meanware* в долине реки Меон в Гемпшире, *Hrodingas* в Эссексе или *Magonsæte* в долине реки Уай, – появились не раньше VII века¹⁷. В то время потомки жителей меловых холмов, видимо, уже принадлежали к *Wilsæte*¹⁸, обитателям долины реки Уайли, чье именование (через название городка Уилтон) унаследовало графство Уилтшир. В анналы истории раннего Средневековья они попали в 552 году, когда после предполагаемой победы военного вождя Кюнрика у Сearобурга (*Searoburh*)¹⁹ англосаксы подчинили себе Солсберийскую равнину²⁰. Позднее жители этих мест получили сомнительное преимущество считаться подданными разросшегося королевства Уэссекс.

Мы не знаем, кем считали себя жители меловых холмов в последние века владычества Рима – угнетаемым туземным меньшинством или гордыми членами панъевропейской цивилизации, при том что бритты считались гражданами империи со всеми юридическими привилегиями со времен правления Каракаллы (198–217). Они говорили на местном или региональном диалекте бриттского языка, возможно, наряду с поздней разговорной латынью, а некоторые из них, особенно занимавшиеся торговлей, были грамотны.

---

¹³ Паг – минимальная территориально-административная единица в Римской империи. – *Прим. науч. ред.*

¹⁴ Цивитат – административно-территориальная единица в Римской империи. Центрами цивитатов были *civitas* – города, где располагалась имперская администрация. В римской Британии границы цивитатов примерно совпадали с границами прежних племенных территорий. – *Прим. науч. ред.*

¹⁵ Пит-Мид (*Pit Mead*) в долине реки Уайли и Нетерэйвон (*Netheravon*) в долине реки Эйвон в Уилтшире.

¹⁶ Tomlin 1996. Область *Haemele* (в окрестностях Хемел-Хемпстеда в Хартфордшире) названа пагом в грамоте начала VIII века (Bailey 1989. P. 111).

¹⁷ См. главу 8.

¹⁸ Название впервые появляется в записи Англосаксонской хроники за 800 г.

¹⁹ Укрепление Олд-Сарум (*Old Sarum*), в 3 километрах к северу от Солсбери. Запись за 552 г. в Англосаксонской хронике.

²⁰ Погодные статьи за V–VI вв. в Англосаксонской хронике (писавшейся в конце IX в.) относятся скорее к жанру героических преданий и не могут рассцениваться как достоверное историческое свидетельство. – *Прим. науч. ред.*

Имперские власти после завоеваний Клавдия в 43 году н. э. быстро установили на своих только что покоренных территориях должный средиземноморский порядок. Им нужно было знать, где находятся предметы и люди: минералы, древесина, хорошая земля для сельского хозяйства, судоходные реки, преодолимые горы, непроходимые болота и топи, а также потенциальные очаги местного сопротивления. Им нужно было определить, кто из местных вождей обладает властью над какими народами, чтобы наделять полномочиями, собирать дань, умиротворять или подавлять нецивилизованных варваров. Поэтому их географы идентифицировали некоторые племена, населявшие просторы этой новой земли: тринованты (*trinovantes*) и ицены (*iceni*) на востоке, бриганты (*brigantes*) на гористых Пеннинах, дуротриги (*durotiges*) и думноны (*dumnonii*) на юго-западе. Колониальные власти редко бывают достаточно внимательны, чтобы разобраться во всех нюансах, которые важны людям: представьте, как можно определить, где территория тех, кто называет себя джорди (уроженцами Тайнсайда) или макемами (жителями Сандерленда), или как на месте понять, где заканчивается Брам (Бирмингем) и начинается Черная страна (угледобывающие районы вокруг Бирмингема). В сохранившихся записях сборщиков налогов не указаны названия, которыми пользовалось местное население.

Многие поколения специалистов, изучающих Британию периода римского правления, пытались определить области расселения разных племен или территории цивитатов в этой провинции и начертить убедительные границы на картах римского завоевания. В последнее время принято считать, что территории племен были на самом деле разрозненными: власть и влияние сосредотачивались в центральных областях (числом около двадцати), окруженных большими периферийными районами с менее четкой принадлежностью, которые представляли собой не столько фронтиры или приграничные области, сколько области с более слабым племенным самосознанием, где понятие непринадлежности могло быть не менее важным, чем понятие принадлежности. Подобное ощущение знакомо жителям любых приграничных земель.

Нынешние Гемпшир и Уилтшир римские географы считали землями, принадлежащими союзу бывших галльских поселенцев – белгов. На самом деле неважно, были ли белги иммигрантами: их вожди потерпели поражение в кровавой битве с легионами, смирились с властью Рима, и римские военные губернаторы создали им столицу цивитата – *Venta Belgarum*, место встреч (вента) белгов. Там местные жители могли увидеть, как выглядят римская власть и привилегии, как выглядит цивилизация. Составной частью колониальной политики империи всегда была идея о том, что те, кто принимают Рим, становятся римлянами.

Если жители меловых холмов должны были административно принадлежать к ближайшей столице цивитата, то им следовало ориентироваться на Венту белгов (совр. Винчестер) в трех днях пути на юго-восток. Там можно было познать – или хотя бы изумленно осмотреть – многие удобства средиземноморского города: термы, форум с базиликой или зданием суда, алтари императорского культа, каменные и кирпичные городские дома с немалыми архитектурными претензиями. В последующие века вокруг города возвели внушительные стены – возможно, это была демонстрация гражданской гордости, а не реакция на скрытую военную угрозу. Не исключено, что Винчестер мог также похвастаться гинекеем (*gynaecaea*) – имперскими ткацкими мастерскими (если Винчестер – это та Вента, где располагались мастерские, чей управляющий упомянут в позднеимперском списке государственных служащих, *Notitia Dignitatum*)²¹.

Гинекей (исходно греческое название женских покоев, где обитательницы женской половины дома ткали и пряли) производил шерстяную ткань для нужд имперского двора и армии в качестве дани от провинции – налога, взимаемого с покоренной территории для возмещения расходов на ее завоевание. Некоторые местные жительницы, а также несвободные женщины и

---

²¹ Wild 1967. В этой интереснейшей статье автор рассматривает и два других возможных варианта – Вента иценов (Кейстор-бай-Норидж) и Вента силуров (Кервент).

мужчины из ближайших деревень и хуторов, скорее всего, могли выполнять какие-то работы для мастерских у себя дома. В IV веке непосредственно в гинекее (пока еще не обнаруженном при раскопках), вероятно, работали беглецы или осужденные под присмотром надзирателя, как в викторианском работном доме. Можно даже предположить, что гинекей был устроен в *Venta Belgarum* именно потому, что окрестные пастухи могли исправно снабжать мастерские шерстью от своих стад. Характерные шерстяные изделия из Британии – накидки с капюшонами (*byrri*) и очень красивые, пользующиеся большим спросом ковры, называвшиеся *tapetia*, – охотно покупали на другом берегу *Fretum Gallicum*, то есть Ла-Манша.

Город Акве Сулис (*Aquae Sulis*, совр. Бат) с популярными купальнями на горячих источниках, куда стекались деньги и богачи со всего региона, мог быть даже более притягательным для жителей меловых холмов с точки зрения сбыта продукции и социального взаимодействия с романизированным миром. Акве Сулис был очень удачно расположен: с устьем Северна (*Sabrina fluvium*) его соединял судоходный бристольский Эйвон, а проходившая здесь одна из лучших дорог Британии, Фосс-Уэй (*Fosse Way*), соединяла далекий Эксетер (*Isca*, столица цивитата думнонов) с колонией (*colonia*)²² ветеранов у Линкольна (*Lindum*). Эта практически прямая дорога пересекала провинцию с севера на восток. Линкольн, в свою очередь, был связан с рекой Трент (*Trisantonum fluvium*) и, следовательно, с прибрежной торговлей Северного моря каналом Фосс-Дайк (*Foss Dyke*) – удивительным, навязанным местным жителям подарком империи. Еще одна дорога, в более поздние века известная как Эйкман-Стрит (*Akeman Street*), соединяла Акве Сулис прямо со столицей провинции Лондиниум (*Londinium*), проходя через Кориний, столицу цивитата добуннов (*Corinium Dobunnorum*, совр. Сайренсестер), и Веруламий (*Verulamium*, совр. Сент-Олбанс).

Храм и купальни в Акве Сулис детально изучали несколько поколений археологов и историков. Бриттской богине Сулис, которую римляне отождествляли со своей Минервой, поклонялись многие местные жители: ее горячие источники побуждали как к приношениям – в виде монет и небольших даров, – так и к подаче прошений, подобных мольбе возмущенной жертвы кражи перчаток из Ули, чью сохранившуюся табличку мы цитировали в начале этой главы. Не менее 130 посланий богине, нацарапанных на небольших металлических пластинках, были извлечены из источника: это самые подлинные голоса, долетевшие до нас из римской Британии, и среди них – единственный сохранившийся письменный образец бриттского письма. Многие послания – проклятия обманутой любовницы или ограбленного домовладельца – позволяют нам не только представить себе неприглядные детали городской жизни: преступления, похоть, неверность, – но и получить сведения о личной собственности, которую авторы посланий считали ценной: накидка, принадлежавшая некоему Доцилиану, туника, конская попона, полотно, оловянная посуда, чашки, зеркала, кольца и даже мул²³.

В III веке Акве Сулис был обведен внушительными каменными стенами – как и многие другие большие и маленькие города Британии того времени. Служители и посетители городских купален и храма, похоже, принадлежали к той социальной прослойке, которую археологи с долей иронии называют ультраримскими бриттами: люди, чьи семьи получили немалую выгоду от того, что их родина была включена в европейскую сверхдержаву, считавшие себя настоящими римлянами и высокоцивилизованными гражданами. Эти латинизированные горожане жили в каменных домах среди облагороженного ухоженного ландшафта, который к IV веку был усыпан сельскими поселениями, небольшими городами, роскошными виллами, испещренным множеством дорог со щебеночным покрытием. Они имели рабов, подписывали свои письма и купчие латинизированными патронимами, ходили в базилику в тоге и посещали театр. Они могли содержать небольшой домик в городе и дом побольше в сельской местности, как бла-

²² Поселение ветеранов армии, расположенное рядом с крупной крепостью. См. главу 2.

²³ Mattingly 2013. P. 312–14.

городные зажиточные господа в английских графствах XVIII века или владельцы дач в России времен Толстого. К концу IV века, когда Британию, похоже, настиг панъевропейский экономический и политический кризис, многие ультраримские бритты позаимствовали модные внешние атрибуты и ритуалы христианства. Усвоив соответствующие нормы материального благополучия и социальные традиции, они стали воплощением гомогенной культуры колонизаторской средиземноморской сверхдержавы. Они были воплощением истории успеха.

Через два или, возможно, четыре поколения, сменившихся с той поры, как последнюю пластинку с латинским проклятием вместе с несколькими затертыми монетками на счастье бросили в Бате в источник, бриттский монах, известный нам как Гильда Премудрый, говорил о расцвете римской Британии, словно глядя на нее в перевернутый телескоп. В проповеди-предостережении, написанной на латыни и адресованной современным ему королям и духовенству, он сетует на грехи и слабости ультраримских бриттов: неблагодарные и самодовольные, они изгнали римских губернаторов, отринули их закон и защиту, отреклись от христианского Бога и в результате дорого заплатили за это. Гражданские войны, мор, вероотступничество, вторжения варваров-язычников со всех концов света повергли великолепие римской Британии в прах. Гильда писал, что в итоге пламя анархии охватило Британию от моря до моря, опустошив плодородный край, и лишь тирания смогла пустить корни в этой земле. Города лежали в развалинах, непогребенные тела, разлагавшиеся на улицах, становились добычей падальщиков. По словам Гильды, в Британии еще оставались правители и блюстители порядка, но они гибли под бременем непосильных забот. Старый мир был сметен прочь.

Гильда и Беда рассматривали историю как назидательный божественный текст: вера и покорность Богу вознаграждаются спокойствием и процветанием, грех, слабость и невежество навлекают на провинившихся божественные кары, которые вершатся руками других глупых жестоких грешников и неверующих варваров. Ветхий Завет был для Гильды и Беды истинным *vade mecum* (путеводителем). Современные историки, как и Гильда, хотят понять, каким образом процветающее, упорядоченное, облагаемое налогами, хорошо управляемое высокоэффективное общество могло так стремительно деградировать и лишь после множества бедствий последующих веков смогло возродиться уже в ином качестве. Они ищут разгадку в археологических находках, в свидетельствах Гильды, в древнейших сводах англосаксонских, бриттских, ирландских законов, в обрывочных сведениях, которые спустя много веков собрал самобытный бриттский историк, известный нам под именем Ненний²⁴, в первых записях «Англосаксонской хроники». Они пытаются представить себе социальные и политические процессы, протекавшие в Британии в течение двух столетий: на пути от начальной точки – централизованного латинизированного военного государства – через его крах, его исчезновение в черной дыре истории – к появлению лоскутного одеяла из мелких, динамично развивающихся воинских королевств, одухотворенных жизненной и творческой силой церкви. Напрашивается вопрос: как описать период между 400 и 600 годами – как эволюцию или как революцию? В ворохе возможных описаний можно даже ухватиться за соломинку, носящую имя Артур.

Антропологи, рассматривающие руины и сравнивающие институты, языки и культурные особенности Британии времен римского владычества с культурой Уэльса, Шотландии и Англии времен раннего Средневековья, должны ответить на ряд взаимосвязанных вопросов. Как изменялась жизнь людей в те беспокойные времена? Какие существовали сообщества и социальные группы, в соответствии с какими социальными правилами и нормами они функ-

²⁴ Компиляция под средневековым названием «История бриттов» была составлена, как принято считать, в IX в. в Гвинедде (Уэльс), предположительно на основе более ранних источников и устных преданий. Она дошла до нас во множестве поздних рукописей, самая ранняя из которых датируется началом XII в. Многие историки полагают, что текст подвергся многочисленным редакторским правкам и дополнениям. Имя составителя «Истории бриттов» названо в Прологе, которого нет в самой ранней рукописи. – *Прим. науч. ред.*

ционировали и развивались? Почему жители современной Великобритании называют свои города и деревни словами валлийского, гэльского и английского языков, а не по-латыни? Как местные бритты взаимодействовали с прибывающими в Британию захватчиками или иммигрантами – германцами, галлами, ирландцами? Почему похоронные обряды в какой-то момент сменились с захоронений в земле без погребального инвентаря на кремацию с погребальным инвентарем²⁵, а потом вновь вернулись к первоначальной форме? Самое богатое поле для антропологических изысканий – вопрос о том, как население Британии в конце римского владычества и их потомки V–VI веков использовали убранство зданий, личные украшения, различные атрибуты и погребальные церемонии, чтобы выразить и подчеркнуть свои идентичность, принадлежность и статус. Но даже если антропологи, имея в руках карты всех поселений и сведения обо всех артефактах, когда-нибудь смогут сказать, чем занимались люди тех потерянных поколений, они никогда не узнают, о чем они думали, глядя на угасающие угли своих очагов.

Географы, чья работа становится все более важной по мере того, как современный путник ищет дорожную карту, чтобы ориентироваться в тех смутных временах, стараются понять, как менялись – или не менялись – представления о территориальном делении (и их физическое воплощение). Некоторые видят преемственность на протяжении половины тысячелетия – от племенных союзов конца бронзового века (таких как добунны и кантиаки) через королевства раннего Средневековья типа Хвикке к привычным графствам вроде Кента. Однако в мозаике небольших политических, социальных и культурных образований (их опознано около 200) удастся обнаружить и менее очевидные связи. Это элементы, укорененные в многообразных ландшафтах Британии, отзвуки имен, которые слышны в древних названиях и записаны в юридических документах: *Arosætna* – народ с реки Эрроу (Arrow) в Вустершире, *Pecsætna* – народ Скалистого края (Peaks Discript) в Дербишире, *Myrcna* (мерсийцы) – жители окраинных земель (marches). Многие из этих названий сохранились в знаменитом, но загадочном документе VII или VIII века, известном как «Роспись племен»²⁶, – первой политической карте новой эпохи. Тем не менее важные части этой географической головоломки отсутствуют: мы видим не фильм, а отдельные кадры, и к тому же очень нечеткие.

Археологи, проводящие раскопки, также со все большей уверенностью отмечают преемственность на разных уровнях – от переделки и починки вещей и строений до общих тенденций в обустройстве поселений: разбитые обеденные тарелки тонкой работы не заменяли, а чинили, скрепляя медной проволокой, виллы служили жильем до середины V века, но уже не были прежними, городские центры превращались в мастерские, появлялись новые типы жилищ и экзотические ритуалы погребения. Археологи фиксируют изменения в географии распространения и форме материальных объектов, начиная с украшений и пряжек для поясов, заканчивая оружием и архитектурой, отслеживают перемещения керамики от анатолийской печи для обжига к валлийской крепости на холме, составляют описи инструментов, воссоздают ремесленные техники, реконструируют жизнь мужчин и женщин, перемещавшихся по дому и по двору.

Главное искушение археологов – их воображение. Они преуспели в реконструкции и описании материальных процессов: они могут рассказать, как обрушиваются стены, как зарастают илом канавы, могут датировать органические останки и по ним проследить изменения окружающей среды, описать рацион, болезни и травмы. Однако они не способны закрыть лакуны в пространстве и времени – те неведомые недели, месяцы, годы или столетия, что заполняют провал между мозаичным полом, тщательно выскобленным в последний раз, и лугом, который

²⁵ От одного предмета до множества ритуальных или личных вещей, таких как ножи, кольца, продукты, украшения, оружие.

²⁶ См. главу 8.

теперь его покрывает. Получив в свое распоряжение должные ресурсы, археолог сможет многое рассказать о том, чем занимались день ото дня жители Солсберийской равнины, но никогда не узнает, как, почему, когда именно они ушли. А история конца римской Британии – это прежде всего история оставленных поселений. Или, по крайней мере, она такой кажется.

В последние тридцать лет среди историков преобладает мнение, что максимальная численность населения Британии в первые четыре века нашей эры составляла более 2 миллионов человек. По более амбициозным (и детальным) оценкам, при городском населении примерно в 250 тысяч человек (если считать городами все поселения от Лондиния до придорожных селений меньше Нук-Дауна), 100 тысячах военных, живших в гарнизонах или рядом с ними, и более чем 3 миллионах человек, живших на хуторах и в деревнях, общая численность населения должна была составлять порядка 3,5 миллиона²⁷. Даже если эти оценки неточны, они вряд ли сильно расходятся с истиной. Аэрофотосъемка, данные лидара²⁸, представленные в базе Portable Antiquities Scheme²⁹, и опубликованные результаты раскопок, проводившихся перед строительством новых зданий, существенно расширили перечень известных нам поселений римского периода в Британии (хотя обнаружены, по всей вероятности, еще далеко не все).

Ни один серьезный исследователь не станет утверждать, что подобная численность населения была характерна для эпохи Беды или любого другого периода, предшествовавшего Нормандскому завоеванию (даже если допустить, что многие поселения и места захоронений тех времен нам также неизвестны). Судя по свидетельствам Гильды, в Британии к тому моменту, когда он писал свою проповедь-предостережение «О гибели и покорении Британии»³⁰, – то есть между 490 и 540 годами, – рождаемость значительно снизилась или смертность существенно возросла (или и то и другое вместе). Очень жаль, что мы не можем точно датировать сочинение Гильды³¹ и поэтому не можем определить, насколько быстро уменьшалась численность населения. Данные об оставленных поселениях – ненадежные свидетельства: отчасти потому, что они не говорят, куда ушли люди, или – если они умерли от голода или были поголовно истреблены – где лежат их останки.

Наиболее достоверный источник сведений об изменении окружающей среды раннего Средневековья – свидетельства пыльцевых диаграмм³² по заболоченным территориям и озерам Британии и Ирландии – дает довольно парадоксальную картину. Скрупулезное исследование имеющихся в настоящий момент данных заставляет предположить, что ландшафт Британии в первые века после ухода римлян претерпел некую метаморфозу: количество культивируемых земель, в особенности пастбищ, почти не изменилось, но их стали использовать гораздо менее интенсивно³³. Незначительное и отнюдь не повсеместное увеличение количества древесной пыльцы можно объяснить частичным прекращением вырубki молодой поросли. Таким образом, общеизвестная история, созданная на основании впечатлений от первых раскопок и книг Гильды и Беды и содержащая яркие образы запустения, – история о лесах, выросших на месте заброшенных полей, – неверна. Крупный рогатый скот, овец и, возможно, лошадей,

---

²⁷ Millett 1990. P. 181ff.

²⁸ Лидар (light radar) – метод лазерного аэросканирования, при помощи которого даже сквозь полог леса можно обнаружить очень небольшие неровности земной поверхности. Такие неровности могут быть незаметны при непосредственном осмотре или наземной съемке.

²⁹ Добровольный кодекс поведения археологов и кладоискателей-любителей, принятый в Англии и Уэльсе в 1997 г., предполагающий внесение сведений обо всех находках в центральную базу данных: <https://finds.org.uk/>.

³⁰ Латинский текст и русский перевод см.: *Гильда Премудрый. О гибели Британии* / Пер., вступ. статья, прим. Н. Ю. Чехонадской (Живловой). СПб., 2003.

³¹ Подробное обсуждение этой проблемы и выдвигавшихся гипотез можно найти в: Lapidge, Dumville (eds) 1984.

³² Пыльцевые диаграммы – анализ распределения пыльцы растений в геологических отложениях, при помощи которого можно сделать выводы о составе растительности и климате. – *Прим. науч. ред.*

³³ Rippon et al. 2015.

теперь разводили и откармливали не для потребностей прожорливой централизованной военной экономики империи, а только для нужд местного сообщества. Мы видим, что численность населения постепенно уменьшается, производительность труда падает, излишки сельскохозяйственной продукции сокращаются – и, возможно, снижается рождаемость. Катастрофа? Не похоже. Географы, указывая на границы полей и угодий, со все большей уверенностью утверждают, что эти земли продолжали использоваться и во второй половине первого тысячелетия³⁴.

Чтобы разобраться в кажущихся весьма резкими изменениях политической и культурной ориентации, в результате которых римская Британия превратилась в англо-саксонскую Англию, валлийский Уэльс и пиктскую Шотландию, необходимо разрешить несколько серьезных противоречий. С одной стороны, имеется привычное повествование о брошенных жилищах, оставленных виллах и покинутых романо-бриттских городах, о прекращении монетного обращения, исчезновении крупного налаженного гончарного производства, об уходе римской армии, о появлении новых – вроде бы чужих – поселений и погребений, о повсеместном вытеснении из обихода даже не одного, а двух языков. С другой стороны, исследования изменений окружающей среды и ландшафта выявляют все больше признаков преемственности (правда, довольно мелких). Например: люди действительно покидают виллы – но лишь для того, чтобы поставить новые жилища всего в нескольких метрах от них; кустарное гончарное производство по-прежнему сохраняется; вновь возникают территориальные племенные сообщества, очень похожие на аналогичные сообщества бронзового века. Чтобы разобраться со всеми очевидными несоответствиями, нужно внимательно приглядеться к тому, что находится у границы наших возможностей и наших знаний, – к метафизически неуютной полосе, где мощеная площадь переходит в пашню, дверная стойка врезается в забытую могилу, пограничные канавы и изгороди теряют свое предназначение и становятся достоянием памяти. С точки зрения археолога – это граница хаоса.

Даже через 400 лет колониального правления (а на далеких северных и западных окраинах – попеременной оккупации, войны и торговли) Британия оставалась островом с очень разными региональными традициями и разным отношением к римскому вмешательству. Основа этого разнообразия – ландшафт и климат. Можно разделить Британию на четыре четверти – на юго-западе климат умеренный и влажный, на северо-западе – холодный и влажный, на северо-востоке – холодный и сухой, на юго-востоке – умеренный и сухой. Чем дальше на северо-запад, тем древнее скалы, холмистее ландшафт и беднее почвы. Наиболее удобные для судоходства реки находятся на юго-востоке. В марте и сентябре день равен ночи: солнце встает точно на востоке и заходит точно на западе. В день летнего солнцестояния точки заката и восхода максимально смещаются к северу, в день зимнего солнцестояния – к югу, смещение увеличивается с возрастанием широты. Лизард, самая южная точка Британии, лежит примерно на 50° северной широты, а Даннет-Хед – самая северная точка острова – почти на 59°. На севере летний вегетационный период короче, но световой день длиннее. Циклы приливов и отливов зависят от положения солнца и луны, от местных течений, формы береговой линии и расположения устьев рек, и умение учитывать эти особенности, полезные либо опасные, – ценная составляющая местного знания. Фазы луны и времена года задают естественный цикл, к которому привязаны многие церемонии, праздники и сельскохозяйственные практики.

Плодородие земель, на которых произрастают сельскохозяйственные культуры – пшеница, овес или ячмень, – а также лугов и пастбищ, где растет трава, зависит от основных характеристик почвы: толщины почвенного слоя, его средней температуры, кислотности, способности впитывать и отдавать влагу, содержания глины и песка, количества минеральных

---

³⁴ Oosthuizen 2019. P. 106ff. Более взвешенная позиция представлена в: Williamson 2013.

веществ. Земли широких речных долин, обогащенные ледниковым и наносным илом, – так называемые центры плодородия – хорошо дренированы, увлажнены, имеют толстый почвенный слой. Их распахивали древние земледельцы: убирали камни, пропалывали, удобряли, рыхлили, успешно прогревая, чтобы продлить природный вегетационный период³⁵. Эти долины – *maghs*, *maes* и *straths*, если использовать местные термины, – давали пропитание основным заселенным областям, уже сложившимся к тому моменту, когда Юлий Цезарь возглавил пробное вторжение в Британию в 55 году до н. э. Разливы рек приносили дополнительное удобрение на заливные луга, сами же реки изобиловали рыбой, моллюсками, по берегам гнездились водоплавающие птицы. Окрестные холмы с давно расчищенными от леса склонами использовались как летние пастбища для овец и волов: первых выращивали в основном ради шерсти и шкур, вторых – как тягловую силу для плугов и повозок. Козы давали молоко, свиньи, быстро жиревшие осенью, шли на мясо, вяленое или соленое (источник белков на зиму). Племенные быки и жеребцы обычно были собственностью богатых и влиятельных людей.

На этих благодатных и плодородных территориях возникли политические образования, скрепленные некоей общей идентичностью, которые со временем эволюционировали в то, что можно условно назвать мелкими королевствами или племенными княжествами. Можно предположить, что такого рода территориальные образования располагались в бассейнах рек Тей и Клайд, Тайн, Тис, Северн, Эйвон, Темза, а также, возможно, по берегам заливов Мори-Ферт и Солуэй-Ферт, рек Мерси, Уай и Солент, Нин, Уз, Кем, Ли и в верхнем течении Трента. Глубокие судоходные реки отнюдь не были препятствием – напротив, они служили объединяющим фактором для береговых сообществ, использовавших реки как источники пищи и пути сообщения. Эти мелкие «королевства» стали главными объектами колонизаторской политики римских императоров. К югу от Адрианова вала, построенного в начале II века, в период римского правления строились роскошные виллы, и местные аристократические семейства, прельстившиеся благами имперской цивилизации, жили в превосходных каменных городских домах, ставили латинские памятники своим родным и давали детям дорогостоящее классическое образование. Гильда был выходцем именно из такого семейства, как и святой Патрик.

Военные стратеги Рима быстро сообразили, как можно политически выхолостить и экономически эксплуатировать плодородные области, соединив главные судоходные участки крупных рек сетью дорог и разместив гарнизоны в стратегических точках³⁶. Эта блестящая стратегия породила сложнейшую систему связей, непостижимую для провинциальных подданных Рима. Она превратила Британию в крепко связанную территорию, по которой можно было передвигаться с достаточной скоростью, что позволило Риму добывать ее минеральные сокровища, контролировать местное население, развивать торговлю и рынки, преумножать богатство: создавать *Pax Romana*.

Гористые или непокорные области – земли с тяжелыми глинистыми почвами, сухие меловые плато, закисленные холмы Уэльса, Пеннины, Северное нагорье, болота Восточной Англии, регулярно затопляемая долина Йорка, заброшенные торфяники северо-запада – были заселены не так плотно. Эти территории без определенной структурной принадлежности было сложнее разведывать и использовать. Иногда – с точки зрения римских армий – овчинка выделки не стоила: достаточно было построить несколько укреплений и дорог, отслеживать местную политику и демонстрировать свое присутствие. Порой когорты, патрулировавшие и усмирявшие эти спорные земли, сами получали хорошую трепку. Особое внимание римских властей привлекали районы, поставлявшие ценное сырье: соль из низинных болот Восточной Англии и соленых источников Западного Мидленда, свинцовые руды Пеннин и Мендип, железные руды и строевой лес Уилда и Дина, олово из Корнуолла, медь и золото из Уэльса.

³⁵ Теоретическое обоснование гипотезы о «центрах плодородия» см. в: Roberts 2010.

³⁶ Реки, которые на картах в этой книге отмечены как судоходные, выбраны на основании данных из: Hill 1984 и Cole 2013.

Расположение и внешний облик поселений, выявляющихся в мозаике природных и искусственных ландшафтов различных областей, прекрасно соответствовали местной культуре и окружающей среде и были достаточно традиционны. В менее плодородных холмистых землях, где под рукой в изобилии имелись лишь камень, торф и вереск, мы обнаруживаем брохи³⁷ (*broch*), дуны³⁸ (*dun*) и кранноги (*crannog*)³⁹, корнуольские «круги»⁴⁰, «террасные поселения»⁴¹ (*scooped settlements*) на склонах Чевиот-Хиллс (*Cheviot Hills*), постройки из камня и круглые дома с торфяными стенами: как правило, несколько строений ставились по кругу или на прямоугольной площадке, но не были частью более крупных структур типа деревни. Жившие в этих поселениях семьи или группы близких родственников, связанные с соседями социальными и семейными узами, поддерживали связь с теми, с кем, по их мнению, были в родстве, и отделяли себя от тех, кого не считали родичами.

Многие общины, адаптируясь к сложным климатическим и природным условиям, практиковали полукочевой образ жизни: в холодное время года жили кучно в долинах, а летом перебирались на горные пастбища. Один из лучших источников наших сведений о материальной культуре тех мест, начиная с позднего железного века, – летние жилища элиты – кранноги, разбросанные по озерам нынешних Шотландии и Уэльса, а также знаменитые озерные деревни сомерсетских пустошей. Дома на сваях, соединенные с берегом деревянными мостками, построенные исключительно из органических материалов, прекрасно сохранились в анаэробной среде под водой после того, как были заброшены. Они дают поразительную картину жизни своих обитателей: постели и паразиты, инструменты и кухонная утварь позволяют судить о местном рационе и приемах ремесла, доказывая, что отсутствие дорогого стекла, роскошной керамики и каменных стен вовсе не обязательно свидетельствует о бедности – скорее об умелом использовании местных природных ресурсов.

На карте римской Британии ясно виден контраст между тем, что можно считать «романизированной» зоной с дорогами, укреплениями, виллами, городками, колониями и цивитатами, и территориями контроля и принуждения, где эти чудеса отсутствуют или редки. Центральные области римской Британии условно включают в себя земли к востоку от йоркширской реки Уз, к юго-востоку от реки Трент, к востоку от рек Паррет, Уай и Северн (за исключением Уилда в Кенте и Суссексе). Здесь имперским властям удалось превратить бриттов в римлян. Для остальных обитателей острова – то есть для жителей большей части Британии – Рим оставался просто далекой силой (которую, впрочем, нельзя было игнорировать): порой он давал о себе знать нежеланным военным, судебным или фискальным присутствием, порой был источником полезных связей, богатств и материальных благ. Раскапывая поселения на этих территориях, археологи для датировки объектов часто полагаются на случайные находки «римских» артефактов, соответствующих определенным периодам римской оккупации. В остальном же мы наблюдаем очевидную преемственность в архитектуре, экономике и социальных практиках с конца железного века до раннего Средневековья.

Между полностью романизированными бриттами и со-обществами, целиком сохранившими традиционный местный уклад, находилась «пограничная зона» – местные сообщества, выступавшие в качестве императорских подданных и союзников лишь время от времени. Они поддерживали тесные контакты и с империей, и со своими более консервативными соседями,

---

³⁷ Брох – круглая крепость, сложенная методом сухой кладки (без раствора). Встречаются преимущественно в Шотландии. – *Прим. науч. ред.*

³⁸ Дун – система укреплений, обычно на вершине холма. – *Прим. науч. ред.*

³⁹ Кранноги – большие дома на искусственных островах в неглубоких озерах, к которым вели гати. Исследования органического разнообразия культурного слоя в затопленных развалинах обогатили наши представления о материальной культуре сельской элиты раннего Средневековья.

⁴⁰ Обнесенные валами поселения железного века. – *Прим. науч. ред.*

⁴¹ Огороженное поселение на террасе, вырезанной в склоне холма. – *Прим. науч. ред.*

что позволило им сформировать собственные намеренно двойственные позицию и идентичность. Они получали выгоду от взаимоотношений с Римом и в то же время сохраняли надежное положение в местном лагере.

На территории нынешнего Нортумберленда, где плодородные вулканические холмы и торфяные болота резко контрастируют с обширными ледниковыми долинами и гостеприимными равнинами побережий, римляне нашли союзников – племена, которые они называли селговами (*selgovae*) и вотадинами (*votadini*). На краткое время – в ходе амбициозных военных кампаний I и II веков н. э. – эти народы оказались в подчиненном положении. Однако большая часть плодородных земель и богатые запасы минерального сырья находились южнее, и с середины II века линия военных укреплений, отделявшая область имперского контроля от остальной Британии, проходила по Адрианову валу. После этого несколько племен, живших к северу от Адрианова вала, договорились о выгодном для себя статусе федератов (*foederati*). Большое количество поселений, от которых на пастбищах Чевиот-Хиллс сохранились остатки валов и каменных стен, свидетельствует об их процветании в период римского владычества – как и аналогичные сооружения в более южных районах.

Роскошь на сваях: восстановленный кранног на Лох-Тэй (Пертшир)

В Гривз-Эш (Greave's Ash), в верховьях долины реки Бримиш (*Bromic* в самых ранних источниках), расположены два близко соседствующих поселения с круглыми домами и аккуратными загонами для скота. Дороги и тропы расходятся от них к десяткам хуторов на холмах среди пашен и ухоженных пастбищ. Климат здесь на редкость благоприятный: с раннего утра и в течение всего длинного летнего дня юго-восточные склоны освещаются солнцем, вулканические почвы богаты и плодородны, хорошо дренированы, легко возделываются плугом или мотыгой. Обнесенные валом комплексы с остатками круглых каменных оснований множества домов, хранилищ и мастерских – видимо, построенные в расчете на «большие семьи»⁴², – в окружении возделанных полей и тучных пастбищ, разграниченных изгородями, представ-

⁴² Семейный круг, в который включены несколько поколений и все ближайшие родственники. – *Прим. науч. ред.*

ляют собой очевидный пример значительного вмешательства в природный ландшафт и, соответственно, свидетельствуют о процветании местного сообщества. На склонах Чевиот-Хиллс хорошие пастбища. Долина реки Бримиш на востоке становится более сухой по мере того, как гряда холмов спускается к естественной гавани в бухте Бервика, откуда римская дорога, ныне известная как Дорога Дьявола (*Devil's Causeway*), вела к укреплениям и городам Адрианова вала. Можно предположить, что местные жители поставляли излишки мяса, шерсти и зерна гарнизонам, стоявшим в крепостях вала⁴³. Они могли также продавать ремесленные изделия в Кории (*Coria*, совр. Корбридж в долине реки Тайн), предположительно столице цивитата, и в других городах. Местные торговцы, будучи по определению варварами, были вынуждены отстаивать очереди на въезде в империю. Любопытное собрание находок из нортумберлендской деревни Грейт-Уиттингтон (*Great Whittington*), всего в миле от Адрианова вала, позволяет предположить, что там находилось нечто вроде перевалочного пункта, где гуртовщики, торговцы, просители, послы и путники, утверждавшие, что они якобы римские граждане, должны были останавливаться и доказывать свою благонадежность перед тем, как им будет позволено проехать⁴⁴.

В нескольких километрах к северу от Гривз-Эш, на двуглавом холме, нависающем над долиной Глендейл и равниной Милфилд, расположен труднодоступный форт Иверинг-Белл (*Yeavinger Bell*). Эта система укреплений железного века и летняя резиденция были центром местной власти и местного культа. Вожди Иверинг-Белл, похоже, сохраняли свою власть и идентичность и в период римского владычества, и даже позднее: у подножия холма, на широком плато над рекой, располагалась резиденция королей Берниции, Иверинг (Беда именует ее *Ad Gefrin*), – превосходно проведенные в этом месте в 1950-х и 1960-х годах археологические раскопки показали, что здесь проходили королевские пиры, имелся громадный загон для скота и отправлялся культ мертвых⁴⁵.

Иверинг-Белл и долина реки Бримиш сохраняли свою территориальную обособленность и производственную значимость вплоть до возникновения королевства Нортумбрия, чьи владетели правили в этом регионе. В VII веке один из нортумбрийских королей пожаловал долину Бримиш монахам Линдисфарне в бессрочное владение. В холодных бурных водах реки Глен прибывшие в 627 году римские миссионеры окрестили первых нортумбрийцев⁴⁶. В форте Иверинг-Белл обстоятельные раскопки не проводились, но в другом аналогичном укреплении – Трапрейн-Лоу (*Traprain Law*), форте вотадинов в Восточном Лотиане, – археологи обнаружили следы восстановительных работ, относящихся к концу IV века, а также большой клад римского серебра V века общим весом 53 фунта (24 кг). Серебряные вещи были разрублены на куски, удобные для взвешивания. Считается, что это была плата вождю племени-федерата за будущее (или уже оказанное) содействие. Но даже если содействие было оказано, это не помогло спасти римскую Британию от ожидавшей ее судьбы.

Даже в самых плодородных областях новой провинции римляне сталкивались с неожиданными препятствиями, связанными с ее природными особенностями. Густые леса Уилда (*Weald*) в нынешних Кенте и Суссексе, богатые древесиной и железной рудой, были по большей части труднопроходимы. Они служили источником богатства для империи, но городов, вилл и укреплений там было так же мало, как в самых удаленных областях Уэльса, севера и юго-запада. Похоже, эти дикие края копателей и углежогов так и не были по-настоящему романизированы.

---

⁴³ Adams 1999; O'Brien, Adams 2016.

⁴⁴ Данную идею высказал профессор Брайен Робертс, которому я глубоко признателен за беседы на эту и другие темы.

⁴⁵ Hope-Taylor 1977.

⁴⁶ *Historia De Sancto Cuthberto* 4. South 2002. P. 4, 79. См. также: Adams 1999; O'Brien 2002.

Еще более таинственным и пугающим для чужаков был Болотный край (Fens) – территории вокруг залива Уош (Wash), которые в те времена представляли собой обширный пояс заболоченных земель шириной примерно 40 километров (если считать от современной береговой линии), отделенный от Северного моря низменностью, образовавшейся за счет наносов. Небольшие местные поселения были разделены – или связаны – медленными солоноватыми реками, пополнявшимися водой во время прилива и часто выходявшими из берегов. На болотах и заливных лугах густо росла трава, гнездились дикие утки и гуси. У местных жителей в изобилии имелись дичь, угри и прочая рыба, осока и тростник, соль и торф. Но в этих землях, где не было четких ориентиров и определенных границ, в краю, дрейфующем где-то между водой и небом и таящем множество опасностей для неосторожных, было невероятно трудно насаждать монолитную имперскую культуру.

Жители Болотного края были «другими» по культуре и мировоззрению, были теснее связаны с местными сообществами и использовали землю и природные ресурсы сообща. Одной из основных причин как младенческой, так и взрослой смертности здесь, видимо, была малярия. Болота и подпитывающие их реки – природный и культурный барьер между землями Мидленда и Восточной Англии. Даже в раннем Средневековье чужаки относились к Болотному краю со смесью благоговения, страха и отвращения, но тех, кто был с ним знаком, он в достатке обеспечивал необходимыми ресурсами. Римским губернаторам – возможно, включая и самого Адриана – эти места предоставили большие возможности: осушать, исследовать, завоевывать, покорять... цивилизовать.

Неподалеку от нынешнего Марча (Кембриджшир), на небольшом острове, который на западе и востоке соединялся насыпями с более сухой и возвышенной местностью, можно видеть руины укреплений железного века, расположенные на высоте всего 4 метра над уровнем моря: тем не менее они доминируют над плоским ландшафтом черных торфяных полей, перерезанных бесчисленными канавами и стоками. Возможно, именно здесь был последний оплот иценской армии Боудикки в 60 или 61 годах н. э.

Новое, аккуратно распланированное поселение, ныне именуемое Стони по названию ближайшей фермы Стони-Грейндж (Stonea Grange), было основано к северу от этих укреплений не позднее второй половины II века⁴⁷. Это поселение не похоже на обычную маленькую деревушку: сеть улочек разделяла территорию поселка на квадратные участки со стороной 50 римских футов⁴⁸, где стояли дома и мастерские – собственность усердно работающих ремесленников. Храм располагался отдельно на противоположной стороне дороги Фен-Козуэй (Fen Causeway) на квадратном огороженном участке: громадная трех- или четырехэтажная каменная башня, обращенная фасадом к дороге, была построена из известняка, который доставляли баржами из карьера, располагавшегося примерно в 40 километрах, близ Питерборо. В храме имелись застекленные окна с круглыми арками и апсида, по сторонам которой находились коридоры и служебные помещения, с собственной топкой и гипокаустом⁴⁹. Разнообразные находки из строительного котлована или отстойника, который при постройке храма использовали как яму для мусора, представляют собой интересные свидетельства повседневной жизни: деревянная лопата с железным краем, облепленным строительным раствором, доски и пучки ивовых прутьев, пара много раз латанных ботинок размера 9 1/2 (42–43). Эта наглядная демонстрация архитектурного и организационного превосходства должна была поражать, ошеломлять, подавлять. Невозможно было не почувствовать трепет, видя такое впечатляющее здание.

---

⁴⁷ Jackson, Potter 1996. P. 677ff.

⁴⁸ Так называемый *pedes monetales*, равный 11,65 дюйма, или 29,59 см. См.: Jackson, Potter 1996. P. 136.

⁴⁹ Гипокауст – открытое пространство под полом для обогрева расположенных выше помещений. Поступавший из топки теплый воздух циркулировал в гипокаусте между колоннами из плиток и поднимался вверх по трубам внутри стен. – *Прим. науч. ред.*

Башню было видно издалека: она прокалывала плоский ландшафт подобно тому, как его пересекали более поздние средневековые колокольни и церкви Болотного края. Римлянам удалось – как буквально, так и метафорически – прибрать к рукам эти дикие земли, игнорируя безжалостные ветра, трагические завывания кроншнепов и насмешливые крики куликов. Высказывались предположения, что комплекс Стони и поместье, в центре которого он стоял, – это личный проект, осуществленный в соответствии с пожеланиями далеких императоров: в спесивом эгоизме сравнимый с викторианскими оперными театрами в Амазонии.

Каковы бы ни были экономические функции этой архитектурной демонстрации силы, – был ли то центр для продажи и покупки шерсти, ягнятины, устриц, угрей, дикой птицы или соли, – он просуществовал недолго. Башню разобрали менее чем через 100 лет после ее возведения, примерно в 250 году: она лишилась своего официального статуса и покровительства, – возможно, из-за наводнения (подтвержденного многочисленными археологическими свидетельствами), а возможно, в силу какого-то закулисного политического кризиса. Оставшиеся от нее материалы разграбили, а участок позже был заново застроен – уже в более скромных масштабах. Однако поселение в Стони просуществовало до IV века, отчасти восстановило свое благополучие и пережило крах империи. Его рвы, ямы и колодцы все еще существовали, когда туда попали первые черепки керамики в англосаксонском стиле. Люди, которым принадлежали дома, где пользовались этой керамикой, могли быть как местными, так и пришлыми. Тем не менее и здесь имеется некий невидимый разрыв: социальные, экономические и, возможно, культурные изменения, нюансы которых нам неведомы, но которые повторяют судьбы всей империи.

В Стони – да и в сотнях других величественных сельских развалин, которые мы называем виллами, – поражает то, что по сути своей они принадлежат не сельской, а городской жизни. Римские города, как крупные, так и мелкие, были не просто административными центрами и местами, где проводились ярмарки и суды. Своей строгой планировкой и официальной архитектурой они рекламировали достижения римской культуры и социальные и политические амбиции ее куриалов⁵⁰. Столицы покоренных областей, цивитатов, позволяли элите побежденных племен, лишившейся оружия и возможности снискать воинскую славу, приобщиться к величию цивилизации, тогда как более мелкие придорожные города и центры торговли, разбросанные по провинции, словно цепочка бусин на ожерелье мощных дорог, позволяли ощутить культурную и экономическую мощь Рима. Сельские дома, построенные как увеличенные копии городских, демонстрировали покоренной провинции преимущества цивилизованной городской жизни: «блага цивилизации» выставлялись напоказ, хотя и не повсеместно.

Расцвет и упадок романо-бриттских городов – архетипов средиземноморского гражданского порядка и культурного самодовольства – служит безошибочным показателем достижений и неудач Рима. Города динамичны и постоянно меняются, и археологические раскопки неизбежно выявляют эту динамику. Некоторые романо-бриттские города ныне лежат под полями пшеницы или лугами, другие стали провинциальными городами средневековой Англии или крупными городами новой империи – уже Британской. В их побитых дождями или иссушенных солнцем руинах записана история конца римской Британии.

---

⁵⁰ Куриалы (зд.) – преуспевающие торговцы, предприниматели и землевладельцы с гражданскими обязанностями и должностями.

2 Крах

Темные матери. – Pax Romana. – Проблемы. – Неряхи. – Судьбы городов. – Ослабление государства. – Адаптации

D N VALENTINIANVS P F AVG

Золотой солид императора Валентиниана III (441–450), отчеканенный в Константинополе. Таких монет в Британию попало очень мало: в базе Portable Antiquities Scheme имеется всего одна медная монета времени его правления

Третий этап истории римской Британии, последовавший за ее завоеванием и освоением, – переход от стабильности к кризису – известен нам по разрозненным упоминаниям в континентальных источниках. Их основная тема – военный кризис и узурпация. Затем, в первом десятилетии V века, картинно опускается занавес. Дальше – уже в конце V или самом начале VI века Гильда рисует горестную картину брошенных городов, гражданской войны и вторжения безбожных германцев. Беда Достопочтенный повторяет за Гильдой, а летописцы из более отдаленных мест – из Бретани и Константинополя в Восточной империи – подтверждают: когда римляне ушли из Британии, там воцарилась анархия.

До последних десятилетий XX века археологам, которым во время раскопок в наших плотно застроенных городах приходилось словно подсматривать в замочные скважины, и даже тем, кто исследовал более доступные римские города типа Силчестера, где нет средневековой или современной застройки, ограничивающей размеры раскопов, не удавалось найти никаких указаний на то, что хоть один романо-бриттский город в V веке оставался городским поселением. В Британии раннего Средневековья города появились только в конце IX века. В конце VII века святому Кутберту, гостившему в Карлайле (латинский *Luguvalium*, бриттский *Caer Luel*), показали примечательный римский фонтан в сохранившейся городской стене, – но то была лишь любопытная диковина⁵¹. Беда утверждал, что в его время (674–735) Лондон, бывшая столица римской провинции, был торговым центром, куда съезжались купцы, принадлежавшие к самым разным народам, но на самом деле Лунденвик (*Lundenwic*) VIII века представлял собой невзрачное поселение с гаванью на берегу Темзы чуть выше по течению от заброшенного римского города. Раскисший берег, к которому приставали торговые лодки, чтобы погрузить или выгрузить товар, теперь погребен под улицей Стрэнд. Торговцы вели свои дела в Олдвиче (буквально «Старый порт»).

Неясность археологических свидетельств, как и похоронный звон повествований, возмущающих о кончине римской Британии, вроде бы убеждают нас в ее смерти. Однако начиная с 1970-х годов появились явные признаки наличия у пострадавшей слабого пульса – отчасти потому, что археологи всерьез взялись за их поиски. В Роксетере, на территории современного Шропшира, на восточном берегу Северна в месте впадения реки Терн, во время чрезвычайно трудоемких раскопок, проводившихся Филипом Баркером, были выявлены следы внушительных строений, возведенных в V веке в римском городе Вироконий, столице цивитата корновиев (*Viroconium Cornoviorum*), – с классической планировкой, но построенных из дерева, а не из прочного камня⁵². В Веруламии (*Verulamium*), римском предшественнике Сент-Олбанса, обнаружены каменные здания, возведенные в конце IV века, которые сохранялись и переделывались в течение нескольких поколений⁵³. В Силчестере, бывшей столице цивитата атребатов (*Callewa Atrebatum*), несколько десятилетий раскопок привели к схожим результатам: в числе прочего там найдены предположительные остатки ранней церкви к юго-востоку от форума⁵⁴.

На полу дома позднеимперского периода в Кейсторе, к югу от Нориджа, часто поминаемая археологическая экспедиция 1930-х годов обнаружила останки как минимум тридцати жителей, «которые погибли насильственной смертью в самом начале V века». Однако недавний анализ не слишком качественных отчетов об этих раскопках заставляет предположить, что это не «тела, разлагавшиеся на улицах» (как говорится в самых пугающих описаниях), а, скорее всего, выброшенные куда подальше кости с расположенного неподалеку кладбища, распаханного в более поздние времена⁵⁵. Археология заставляет нас трезво пересмотреть свидетельства Гильды, Беда и континентальных Кассандр, объявлявших, что Британия умерла в 410 году.

Богатые, но малодоступные пласты, лежащие под современными мелкими и крупными городами, невозможно изучать с помощью больших открытых раскопов, которые используют в поле. Эфемерные деревянные основания часто остаются за пределами узких и глубоких сложных траншей, а самые последние имперские монеты, попавшие в Британию, отчеканенные в правление Гонория (395–423) не позднее 400 года, дают только *termini post quos* – дату, после которой что-то произошло, но не дату, когда это произошло. Монеты преемников Гонория молчат: жизнь в римских городах V века скрыта от нашего взгляда.

⁵¹ Bede. Vita Sancti Cuthberti 27.

⁵² Speed 2014. P. 92.

⁵³ Millett 1990. P. 221.

⁵⁴ Thomas 1981. P. 214ff; Speed 2014. P. 67.

⁵⁵ Darling 1987.

Повсеместно встречающийся во многих городах слой так называемой «темной земли», лежащий поверх последних слоев, с очевидностью относящихся к периоду римской оккупации, и ниже слоев, относящихся к периоду более позднего расселения «чужаков» или «поселенцев», может служить подтверждением хаотичного смещения всех основ, на которое указывает и внезапное возникновение исторической лакуны. Однако он может говорить и о чем-то совершенно ином⁵⁶. Накопление громадного количества почвы, обломков и камней на улочках когда-то благополучных городов часто считают свидетельством того, что города были заброшены, – практически знаком конца цивилизации. Но с иной точки зрения, «темная земля» говорит совсем о другом: о присутствии людей в городах позднеримского периода, о явных признаках человеческой деятельности. Очень легко сосредоточить внимание на известной, без труда опознаваемой материальной культуре романизированной бриттской элиты: на изящной столовой посуде, купальнях и мозаиках, разрушавшихся в течение нескольких десятилетий до и после 400 года, – возможно, быстро, а может, и нет. Их отсутствие не говорит о том, что общество перестало функционировать. Постепенно вырисовывается более сложная и полная новых нюансов картина: города становятся центрами владений местных правителей.

Британия, а в особенности южные и восточные королевства конца железного века⁵⁷ столкнулись с римской культурой и военной силой задолго до краткой вылазки Юлия Цезаря в 55–54 годах до н. э. Римские географы, в свою очередь, знали о Британии достаточно много, чтобы в общих чертах представлять себе ее географию. Им было известно о ее богатствах: скоте, мехах, золоте, свинце, меди, олове, о ее отличных охотничьих псах и о примитивных (по их мнению) народах, которые можно было бы впрячь в римскую колесницу. Их описания местных дикарей, порой довольно нелепые, – пример традиционной дегуманизации и принижения культур будущих объектов завоевания. На самом деле в Британии существовало развитое, сложное и культурно богатое общество – и хорошо связанное с окружающим миром.

Вторжение Клавдия в 43 году н. э. было по большей части политическим предприятием, имевшим своей целью – для начала – покорение земель триновантов и иценов в Восточной Англии и Эссексе: почва уже была подготовлена «соглашениями» с потенциальными союзниками и королями, признавшими власть римлян. Однако не все местные жители приняли план Клавдия с энтузиазмом. Ицены восстали против легионов в 47 году н. э., потом еще раз в 60 году под предводительством знаменитой Боудикки, нанеся ужасающий моральный и материальный ущерб имперским силам и едва родившимся городам новой провинции. После жестоких и долгих репрессий Восточная Англия отчасти выпала из сферы интересов империи, так что городов и вилл здесь было значительно меньше, чем в Эссексе и Мидленде.

Тем не менее военные победы над варварами обеспечивали престиж главнокомандующих, а трофеи, рабы, руда и зерно делали завоевания экономически оправданными. *Pax Romana* являл собой благо, даруемое удачливым народам. На этапе завоевания и освоения, не обходившемся, конечно, без неудач и зверств, создавалась инфраструктура, соответствовавшая нуждам военного правления: племена разоружали, укрепления сносили, земли конфисковали, непокорных переселяли. Города создавались на землях местных племен как средоточие власти и цивилизации, прямое налогообложение и экономический контроль за оборотом основных ресурсов привязали бриттов к римской администрации, раскинувшаяся по территории провинции сеть дорог изменила географию Британии. Время пошло быстрее. Иногда в Британии появлялись соперники далеких императоров⁵⁸, но в целом провинция была спокойной и себя окупала.

⁵⁶ См. главу 6.

⁵⁷ Приблизительно от 100 г. до н. э. до середины I в. н. э.

⁵⁸ Караузий, командовавший флотом *Classis Britannica*, провозгласил себя императором и разорвал отношения с империей

С точки зрения колонистов, «романизация» приносила мир и процветание удаленным провинциям и обеспечивала безопасность империи. С точки зрения местного населения, ситуация выглядела в лучшем случае неоднозначной. К середине II века вся территория к югу от Адрианова вала в определенном смысле была полностью романизирована. Поселения армейских ветеранов (*coloniae*) возникли рядом с военными крепостями в Линкольне (*Lindum*), Колчестере (*Camulodunum*), Глостере (*Glevum*) и Йорке (*Eboracum*). Столица провинции – город Лондиний (*Londinium*), получивший свой особый статус как удачно расположенный торговый порт, а не как военная крепость, – видимо, напоминала многие другие римские города с их форумми, храмами, термами, верфями и каменными домами. Столицы цивитатов, такие как Винчестер, процветали под покровительством местной знати, радостно принимавшей *Pax Romana* с его богатыми возможностями продвинуться в социальной и политической иерархии. Новые технологии, прямое налогообложение, с одной стороны, и постоянный спрос (в основном со стороны армии), с другой, способствовали развитию сельского хозяйства. Дороги соединяли ремесленные центры, поставлявшие гончарные изделия, соль, железо, свинец и другие ценные металлы, с рынками городов и фортов Британии, а из многочисленных морских гаваней эти товары везли дальше – на континент. Мясо, зерно, древесина, минералы и шерсть обогащали провинцию – и ее население росло. К началу III века ее жители уже имели статус граждан империи. Многим цивитатам было позволено самим вести свои дела (в той или иной степени), при условии, что налоги будут регулярно поступать.

Под властью Рима бриттам жилось лучше. Вернее, тем бриттам, у которых были купальни с теплой водой, мозаичные полы по последней моде, хорошее вино, рабы и возможность сплетничать на форуме. Отличная обстановка, архитектура и убранство самых богатых домов свидетельствуют, что их владельцы, которые ели досыта серебряными приборами из прекрасной посуды, наслаждались северной версией средиземноморской жизни, пусть даже борьба за возможность повысить свой социальный статус и получить новую должность вызывала разного рода трения, отразившиеся в претензиях и сетованиях, запечатленных на табличках из Акве Сулис.

Что же касается подавляющего большинства местных жителей, то все эти заморские блага и обычаи они могли наблюдать разве что издали. Рим был готов передать власть в цивитатах и сбор налогов влиятельным местным родам, но за это надо было платить. В результате местная знать, служившая римским властям, богатели за счет всего остального населения, не имевшего доступа к большинству благ. Как и в случае непривилегированных жителей британских колоний XVIII века, недовольство высокими налогами и нарочитая роскошь жизни «допущенных к пирогу» наверняка побуждали многих бриттов задаваться вопросом, не лучше ли было бы им жить без сомнительных благ империи. Чем дальше от купающихся в роскоши центров римской власти, тем большие отчуждение и зависть, вероятно, испытывали люди.

В III веке, когда городские советы (курии) римской Британии начали возводить стены вокруг городов, империя уже находилась в состоянии анархии и экономического упадка. При этом они, скорее всего негласно, соперничали друг с другом, утверждая свою самодостаточность, любовь к приватности и демонстрируя собственное богатство: однако нельзя не заметить, что выбор именно этого способа показать себя свидетельствовал о существовании некоей подспудной напряженности между городом и деревней, богатыми и бедными, защищенными и незащищенными, причастными и лишенными привилегий. Во время так называемого кризиса III века Британия страдала от мятежей и периодических нападений с моря на прибрежные районы (в «Исповеди» святого Патрика, написанной двумя веками позже, мы видим рассказ потерпевшего о последствиях такого набега). Несомненно, спорадически также случались городские и сельские бунты, хотя подобные проявления социального недовольства не попа-

дали в поле зрения континентальных историков. Но, несмотря на нестабильность, Британия оставалась такой же неотъемлемой частью империи, как и другие завоевания Рима.

Где же тогда начало конца? Разумеется, никак не раньше 306 года, когда Константин Великий облачился в императорский пурпур в Йорке, и, вероятно, даже не в 340-х годах, когда, согласно некоторым смутным свидетельствам, его сын Констант прибыл в Британию с небольшим отрядом, чтобы проверить донесения о проблемах в провинции⁵⁹. На некие более значительные процессы указывает хроника последнего великого римского историка Аммиана Марцеллина⁶⁰, который описывает события после узурпации власти в Западной империи Магненцием в 350–353 годах. Магненция поддерживали многие военачальники и гражданские чиновники из Британии, поэтому император Констанций II отправил из Рима в Британию некоего нотариуса (и отчасти – инквизитора) по имени Павел со зловещим прозвищем Катена («Цепь»), чтобы тот доставил к нему на суд предполагаемых сторонников и помощников Магненция. По словам Аммиана, Павел был излишне суров, обвинял невиновных, фабриковал свидетельства и заковывал подозреваемых в кандалы. Когда Флавий Мартин, исполнявший обязанности префекта Британии, попытался вмешаться, его самого обвинили в измене. Последовала отчаянная борьба – и Мартин покончил с собой⁶¹. Богослов и историк Иероним, оглядываясь назад из первого десятилетия следующего века, приводит довольно длинный перечень узурпаторов из Британии, следовавших примеру Магненция⁶².

Была ли то буря в стакане воды – или признак подспудно развивавшегося недуга, нашедшего отражение в общем ощущении династической нестабильности, характерном для Западной империи в IV веке? Может быть, сам факт, что Британия – остров, порождал здесь неискоренимую уверенность в своей независимости? Как бы то ни было, политическая нестабильность не сказалась на состоянии экономики Британии, находившейся в то время на взлете: строились новые роскошные виллы и массово перестраивались старые. Не прошло и десяти лет после грубого вмешательства нотариуса Павла в дела провинции – и император Юлиан (361–363) отправил в Британию сотни кораблей за грузом зерна для военной кампании на материке⁶³. Британия оставалась богатой – но сколько можно было терпеть бесконечные посягательства богоподобных императоров, которых в Британии никогда не видели? И если в сельской местности дела шли неплохо, то крупные города уже давно миновали пору своего расцвета. Интерес к развитию городской инфраструктуры, о котором свидетельствуют гордые надписи на форумах, термах, храмах и статуях (с указанием сумм, потраченных на их возведение), постепенно угас, горожане все больше времени посвящали личным заботам. Археологи отмечают, что в городах становится меньше зданий, потребление падает, вообще остается меньше свидетельств городского образа жизни. Власть имущие, возглавлявшие цивитаты, похоже, стали уделять меньше внимания общественным нуждам, вкладывая деньги в обустройство вилл – сельского отражения городского великолепия, – и использовали имевшиеся возможности для обеспечения своих земель, семьи и собственной местной клиентеллы, не стремясь к продвижению по государственной карьерной лестнице. Налоги в позднеимперский период все чаще собирались на местах и выплачивались натурой, а не деньгами⁶⁴. К середине IV века экономи-

---

⁵⁹ Косвенные указания на это содержатся в панегирике Либания (59. Р. 139, 141).

⁶⁰ Аммиан Марцеллин – военный офицер, родившийся в Сирии, не христианин. Его карьера проходила в основном на Востоке, однако какое-то время он пробыл в Галлии. Он писал в Риме в конце 380-х гг. и в своем сочинении «Деяния» (*Res Gestae*) мог основываться как на современных ему отчетах из провинций, так и на собственном знакомстве с теми, кто принимал участие в далеких событиях, а также на имперских документах.

⁶¹ . Аммиан Марцеллин. Деяния, XIV, 5.

⁶² . Иероним Стридонский. Указ. соч.

⁶³ Упоминания об этом имеются в нескольких континентальных источниках. Ireland 2008. Р. 144–145.

⁶⁴ Hopkins 1980.

ческую жизнь провинции обеспечивали десятки мелких городов и торговых поселений, а также уменьшившиеся гарнизоны приграничных крепостей, а не кипящие жизнью столичные административные центры. Не сократились ли пределы административной политической власти на местах от уровня цивитатов, которые были скорее искусственным изобретением римлян, до более естественного уровня пагов? Не возвращалась ли Британия к присущему ей изначально состоянию разнородности?

Классическую романо-бриттскую виллу обычно представляют себе как роскошно обставленный просторный одноэтажный дом с черепичной крышей, портиками, обеденными залами, коридорами с выходами в этикетный сад во внутреннем дворе и к фамильным алтарям: воплощение социального статуса и экономического благополучия, сдержанной открытости и тщательно оберегаемой приватности. Если рассматривать такие виллы в качестве единственного критерия сельской жизни, то мы получим одномерную, линейную картину социального и экономического взлета и упадка⁶⁵. Их окончательное исчезновение из ландшафта Британии после расцвета империи во II веке выглядит как конец истории – ее трагический финал.

Но свидетельства менее очевидных взаимоотношений городов и деревень, владельцев и обитателей поместий, сельских поселений и хуторов показывают более сложную и интересную картину жизни общества и функционирования экономики. Чем обусловлено, например, такое проявление архитектурного консерватизма, как присутствие во многих процветающих сельских поселениях больших деревянных круглых домов, традиционных для железного века? Что можно сказать о жилищах менее внушительных, чем вилла, но больших, чем обычный крестьянский двор?

Археологические данные показывают, что постройки и типы поселений в римской Британии позднего периода отличаются большим разнообразием. Виллы часто сравнивают с большими сельскими особняками XVIII и XIX веков, однако в их роскошных обеденных залах никогда не бывало многолюдных собраний и балов. В целом виллы не были центрами социальной жизни.

Самые внушительные строения в сельской местности, часто располагавшиеся поблизости от традиционных комплексов вилл, – это построенные из дерева или камня «длинные дома» или так называемые «амбары с центральным проходом» (aisled barns), которые во все большем количестве находят в южных районах Британии. Как и десятичные амбары (tithe barns) средневековой Англии, эти монументальные постройки свидетельствуют о мастерстве строителей и архитекторов. Некоторые из них представляли собой просторные сооружения с открытой планировкой, прямоугольные в плане, с колоннами, высокими потолками и очагами (напоминающие англосаксонские «медовые залы» (mead halls) или христианские базилики), иногда в несколько этажей; другие имели внутренние перегородки. Прямоугольные участки, на которых они располагались, хорошо идентифицируются при раскопках, но по ним невозможно реконструировать внешний вид этих зданий и понять, для чего они использовались. Однако иногда археологам везет. В Меонстоке (Meonstoke) в Гемпшире, в долине реки Меон, сохранилась обрушившаяся верхняя фронтонная часть такого здания. Отломившийся от нижнего яруса цельный кусок, упавший на землю снаружи стены, почти не пострадал. Он пролежал под землей более 1500 лет, прежде чем его откопали и с похвальной осмотрительностью и исключительным мастерством извлекли на свет целиком⁶⁶.

---

⁶⁵ Подробное обсуждение роли римских вилл как социальной единицы и элемента инфраструктуры см. в: Perring 2002.

⁶⁶ Меонстокский фасад сейчас выставлен в римских залах Британского музея как дар мистера и миссис Брюс Хорн.

Меонсток: чудом сохранившийся второй ярус аркады «амбара с центральным проходом», хранящийся в Британском музее

Меонстокский фасад начала IV века и другие находки, обнаруженные при раскопках в 1989 году, свидетельствуют, что это здание не было простым амбаром для сена: больше всего оно напоминает базилику с верхним рядом окон над приделами, слепыми аркадами над ними, декоративной каменной отделкой и фрагментами кладки из пустотелого кирпича и раствора⁶⁷. Если традиционные виллы строились, чтобы продемонстрировать богатство владельца и принадлежность к избранным, то это здание – и другие, подобные ему, – сооружались, чтобы величие хозяина было видно не только близким друзьям и «своим людям», допущенным к трапезе за его столом, но гораздо более широкому кругу родственников и подчиненных. Можно вообразить, как в таком доме собирались так или иначе связанные с хозяином семьи и их слуги, и узы покровительства укреплялись вином и песней, танцами и болтовней: по атмосфере больше похоже на поместье в книгах Джейн Остен, чем на виллу с личной купальней.

Значит, в наших стандартных представлениях о римско-британском обществе позднего периода чего-то не хватает: похоже, мы упускаем из виду какие-то предвестья раннего Средневековья. «Амбары с центральным проходом», как и большие круглые дома, – возможно, наглядный показатель изменений в форме налогообложения: теперь вместо денежных выплат от каждой области империя требовала поставлять определенные товары и услуги. Это укрепляло местные социальные связи – краеугольный камень власти любого правителя раннего Средневековья.

⁶⁷ Ibid. P. 111; см. также сайт Британского музея: www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?assetId=463871001&objectId=1362696&partId=1.

Хотя Британию до поры не затрагивали тревоги, волновавшие разросшуюся империю в IV веке, в 360 году прозвучал первый сигнал. В этот год, как сообщает Аммиан Марцеллин, *scotti* (с другого берега Ирландского моря или из Аргайла) и *picti* (из Каледонии) нарушили свои договорные обязательства в отношении Рима и вторглись на территорию провинции на севере. Были ли эти действия чем-то спровоцированы или напавшие использовали представившуюся возможность – неизвестно; не исключено, что они заметили «дыры» в обороне некогда неприступных границ или просто набрались смелости. Император Юлиан отправил через Ла-Манш военачальника по имени Лупицин с войсками из провинций⁶⁸, однако о результате этой экспедиции ничего не известно⁶⁹. С этого нападения началось десятилетие, в течение которого «пикты, саксы, скотты и аттакотты терзали непрерывными бедствиями Британию»⁷⁰. Спустя семь лет, по словам Аммиана, до нового императора Валентиниана дошли вести о том, что «Британия⁷¹ вследствие восстания оказалась в крайней опасности. Нектарид, комит морского побережья⁷², убит, дукс⁷³ Фуллофавд попал во вражескую засаду»⁷⁴. Этот отрывок из «Деяний» часто цитируют – как предвестье надвигающихся несчастий, а также потому, что имена обоих командующих указывают на их германское происхождение. Гибель двух высших военачальников римлян могла быть либо следствием огромного численного преимущества со стороны нападавших, либо результатом согласованных действий предводителей «варваров» на нескольких фронтах в сочетании с элементом внезапности. Сам по себе такой сценарий указывает на слабость обороны провинции и, вероятно, недостаточную численность войск. Это предположение подтверждается тем, что известно о последующих событиях.

Валентиниан, получивший доклады по пути из Амьена в Трир (*Augusta Treverorum*), первым делом отправил через Ла-Манш своего военачальника с небольшими силами, чтобы прояснить ситуацию. Первый командующий был отозван, второй попросил подкреплений. В 368 году хорошо зарекомендовавший себя военачальник по имени Феодосий отправился в Британию с четырьмя отрядами провинциальных войск (примерно 2000 воинов). Переправившись из Булони и высадившись в Рутупии (прибрежной крепости в Кенте, совр. Ричборо), Феодосий двинулся к Лондону. По дороге ему встретились шайки разбойников (по характеристике Аммиана) – возможно, пираты из дельты Рейна и более удаленных мест, которые везли с собой пленников и добычу. Он быстро с ними расправился и вошел в Лондон, где получил подробные сведения о многочисленных успешных нападениях варваров и дезертирстве из армии. Часть дезертиров он убедил вернуться в строй, после чего повел увеличившуюся армию на север, «повсюду занимая удобные для засад места»⁷⁵ – видимо, на вершинах холмов в Уэльсе, Пеннинах и Южной Шотландии. Тот факт, что ему удалось справиться с врагом сравнительно небольшими силами, показывает, что это были скорее грабители, жаждавшие добычи, а не захватчики, желавшие поселиться в отвоеванных землях. Что, в свою очередь, доказывает, что малочисленные приграничные гарнизоны уже не могли исполнять свою роль.

⁶⁸ Имеются в виду *auxilia* – войска, в которых служили люди, не имевшие римского гражданства. – Прим. науч. ред.

⁶⁹ Считается, что Лупицин мог быть владельцем большого количества изящного серебра (ныне хранящегося в Британском музее), захороненного в конце IV в. у Милденхолла (Суффолк), у границ территории, где в римский период начинались болота.

⁷⁰ . Аммиан Марцеллин. Указ. соч., XXVI, 4.

⁷¹ Римская Британия в конце II в. была разделена на две провинции, *Britannia Superior* и *Britannia Inferior*. Спустя столетие, в процессе реформ Диоклетиана, провинций стало четыре: *Britannia Prima*, *Britannia Secunda*, *Flavia Caesariensis* и *Maxima Caesariensis*. Пятая провинция, называемая *Valentia*, границы которой точно не известны, добавилась в IV в.

⁷² Comes litoris Saxonici. Под его командованием находились форты так называемого Саксонского берега: Othona (Браддуэлл), Dubrae (Дувр), Lemanis (Лим), Branodunum (Бранкастер), Gariannonum (Берг-Касл), Regulbium (Рекалвер), Rutupiae (Ричборо), Anderitum (Певенси) и Portus Adurni (Портчестер). См.: Irland 2008. P. 139.

⁷³ Dux Britanniarum. Под его командованием находился Адрианов вал, а его резиденция располагалась в Эбораке (Йорке).

⁷⁴ . Аммиан Марцеллин. Указ. соч., XXVII, 8.

⁷⁵ Там же, XXVIII, 3.

Феодосий также обнаружил, что живший в Британии политический изгнанник по имени Валентин готовился узурпировать власть. Хуже того – Феодосий разоблачил предательство особой службы, задачей которой было заблаговременно собирать сведения о передвижениях врагов за границей провинции. Вожди племен к северу от Адрианова вала то ли подкупом, то ли силой заставили *milites areani*⁷⁶ сообщать им о передвижениях имперских отрядов, то есть, говоря современным языком, «перевербовали». Сообщения о слабости гарнизонов за якобы неприступной оборонительной линией Адрианова вала отчасти стали поводом к вторжению 367 года⁷⁷. Феодосий тут же распустил это подразделение.

Кризис 367 года был обусловлен как особым стечением обстоятельств, так и подспудно накапливавшимися проблемами. То, что группы пиратов с обоих берегов Ирландского моря и с противоположного берега Северного моря сумели скоординировать свои действия, говорит о существовании последовательного военного и политического противодействия империи в конце IV века. Однако кампания Феодосия не отмечена никакими военными победами: видимо, грабители поспешно ретировались с добычей, не рискуя вступить в открытое столкновение с профессиональными войсками империи. В те годы имперская армия еще была способна на решительное вмешательство. Спустя четыре поколения в распавшейся на части бывшей колонии уже доминировали культура и политика военных дружин.

Феодосий, которого во время британской кампании сопровождали его сын (будущий император Феодосий I) и племянник Магн Максим (будущий узурпатор), вернулся к императору с блестящей репутацией. Но можно усомниться в словах Аммиана, горячего поклонника Феодосия, когда он сообщает своим читателям, что командующий «восстановил города и укрепления... обеспечил границы стражей и сторожевыми постами», так что провинция «возвратилась к прежнему виду»⁷⁸. У нас нет достаточных археологических свидетельств ни масштабных разрушений, ни восстановительных работ в городах и виллах римской Британии или в фортах Адрианова вала в 360-х годах, хотя примерно в этот период были действительно отремонтированы и перестроены три форта. В конце IV века на восточном побережье между Файли и Хантклиффом были возведены сигнальные маяки, но относить их постройку именно ко временам пребывания в Британии Феодосия – все равно что вынуждать археологию играть в салочки с историей.

Стены романо-бриттских городов не кажутся особенно надежными⁷⁹. Единственное исключение – Кунетио (*Cunetio*, совр. Милденхолл в долине реки Кеннет в Восточном Уилтшире) – явно не тот город, который требовалось защищать от нападений со стороны Ла-Манша или с Ирландского моря. Городские стены, ворота и бастионы должны были демонстрировать влияние местных властителей и наличие у них лишних денег; кроме того, нет никаких свидетельств, что хоть один римский город был атакован или сильно разрушен в IV веке. Правда, не исключено, что в поздний период римские власти в Британии опасались, что сельская беднота может разворовать стратегические запасы провизии. Довольно много больших каменных строений, аналогичных зданию в Меонстоке, описанному выше, было возведено в IV веке внутри городских стен. После того как император Юлиан в 360 году вывез из Британии весь урожай зерна, голодные люди могли представлять реальную угрозу спокойствию провинции, однако несколько свор злобных псов и с полдюжины хорошо вооруженных стражей могли сдерживать мародеров не хуже стен. Как бы то ни было, большинство монументальных городских сооружений были построены задолго до кризиса 367 года, который, если говорить об археологии, почти не оставил следов.

---

⁷⁶ Пограничная разведка; однако возможно, что Аммиан хотел употребить иное название, *arcani* – тайная служба.

⁷⁷ Историки предполагают, что набеги все равно совершались с моря, так что наземные укрепления роли не играли.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Gerrard 2013. P. 53.

В течение десяти или даже более лет после вмешательства Феодосия новости из Британии казались весьма незначительными по сравнению с тем, что происходило в континентальной Европе и в Африке. Отсутствие новостей – хорошие новости, как говорится. Однако Аммиан отмечает, что в 372 году Валентиниан отправил в Британию войско букинобантов (алеманнское племя с верхнего Рейна) под командованием их короля Фраомара⁸⁰. Это – первое упоминание о применении в Британии римской политики переселения племен, точнее – переселения в другие провинции военных дружин в качестве союзных военных сил, называемых федератами (*foederati*). Потенциальные культурные, лингвистические и генетические последствия подобных действий не ускользнули от внимания историков и археологов, ищущих зерна «англосаксонской» воинской культуры в Британии до краха империи. Но гораздо большего внимания и количества чернил удостоился Магн Максим – рожденный в Испании племянник Феодосия, побывавший в Британии в 368 году. В 380 году, в возрасте сорока с лишним лет, он вновь отправился в Британию по приказу нового императора, Грациана (ум. 383), – возможно, в качестве командующего полевой армией (*Comes Britanniarum*) или главнокомандующего провинцией (*Dux Britanniarum*). История Магна Максима важна для нас как история преуспевшего узурпатора. После того как он разгромил силы пиктов и скоттов в 382 году, войска Максима провозгласили его императором. В 384 году он переправился через Ла-Манш с внушительным воинским контингентом из Британии и привлек на свою сторону немалую часть рейнской армии. Грациан стал отступать на юго-запад перед этой неодолимой угрозой, но преследователи схватили его и убили⁸¹. Победивший Максим заключил соглашение со своим кузеном и бывшим соратником Феодосием I, императором Восточной империи. Максим сделал своей столицей Трир на берегу Мозеля и оттуда управлял западными провинциями в течение следующих четырех лет.

Относительно политики Максима в Британии в течение этого периода почти ничего не известно. Отнюдь не идеальный более поздний источник говорит, что он вывел войска из Британии и других областей для своей неудачной военной кампании против Феодосия в 388 году⁸². Однако благодаря упоминаниям в приписываемой Неннию «Истории бриттов», в сочинении Гильды, в средневековой валлийской поэзии и в целом ряде якобы ранних генеалогий, вокруг фигуры Магна Максима сложилось множество спекулятивных гипотез, приписывающих ему лавры «настоящего Артура» и первого короля раннего Средневековья. Иногда даже пишут, что он поставил вассальных королей в цивитетах.

---

⁸⁰ . Аммиан Марцеллин. Указ. соч., XXVIXI, 4,7.

⁸¹ . Зосим. Новая история, IV, 35, 2–6 и 37, 1–3. Зосим утверждает, что Грациан был захвачен в плен в Сигидуне (Белграде); в других источниках назван Лугудун (Лион).

⁸² Об этом кратко упоминает Созомен в «Церковной истории».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.